

ЭДУАРД СРЕБНИЦКИЙ

ОСТРОВ ВЕРЫ

16+

Эдуард Сребницкий

Остров Веры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42564190

SelfPub; 2019

Аннотация

Чтобы разгадать тайну своего русского деда-старателя, бежавшего в середине двадцатого века вместе с беременной женой в США, тридцатилетний американец Алекс Коннелл отправляется в Россию. Отправляется в нарушение строжайшего запрета, данного дедом своим потомкам. А потому платить за разгадку тайны Алексу придётся слишком дорогой ценой. Но кто назначил ему эту цену? И может ли миновать его чаша сия?

«Но Христос... не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошёл во святилище и приобрёл вечное искупление. Ибо, если кровь тельцов и козлов... освящает... тело, То... Кровь Христова... очистит совесть нашу от мёртвых дел, для служения Богу живому и истинному».
(Евр.9:11-14).

«В этом черепе был когда-то язык, его обладатель умел петь».

В. Шекспир. «Гамлет».

ГЛАВА 1

До утреннего совещания Алексу Коннеллу нужно было заехать в порт за документами. Для этого пришлось протаскаться в утренних пробках через весь Сиэтл, а потом возвращаться обратно. Но раздражала Алекса больше всего не дорога, а то, что он выполняет не свои обязанности. Документы, если они так уж срочно понадобились, мог привезти курьер, а не старший менеджер департамента логистики, но мистер Осёл специально послал Алекса, желая лишний раз уязвить его и продемонстрировать свою власть. Алекс не стал возражать. Именно сегодня он хотел выполнить распоряжения начальника с педантичной точностью.

Кондиционер в машине был выключен, окно открыто, и

прохладный солёный воздух океана витал по салону, разгоня неприятные мысли о предстоящем в офисе.

Отношения Алекса и мистера Осла, а вернее, мистера Симмонса, который заведовал в компании перевозками и складской логистикой, давно являлись напряжёнными, а если говорить прямо – враждебными, по крайней мере, со стороны Симмонса. Ограниченный человек, лебезящий перед начальством и больше всего на свете боящийся потерять место руководителя отдела, проявляющий ослиное упрямство и нетерпимость во всём, что противоречило его скудным мыслям, за что и получил среди подчинённых своё прозвище, Симмонс постепенно невзлюбил чересчур энергичного сотрудника, голова которого была полна идей по оптимизации процессов логистики в компании. Симмонс ничего не хотел оптимизировать. Подобные идеи вызывали у него страх, мгновенно перерабатываемый в злобу. По мнению мистера Симмонса, если процессам, которыми занимался его отдел, и требовалась оптимизация, то исключительно в плане более ревностного выполнения сотрудниками указаний руководителя и использования рабочего времени по прямому назначению, а не для выдумывания ненужных прожектов.

Алекс сколько мог терпел Симмонса, его глупость, злобу и придирки, а потом решил поменять ситуацию коренным образом: самому занять место руководителя отдела. В конце концов в тридцать один год давно пора делать карьеру, и для чего же тогда, если не для этого, Алекс перешёл с прежней

работы в крупную компанию, а в своё время окончил университет.

Но оказалось, в крупной компании имеются свои неизлечимые болезни: со временем она закостеневаает, обрастает массой мешающих делу работников, наподобие мистера Осла, а до идей низовых сотрудников никому нет дела. Несколько оформленных Алексом предложений, посланных через голову Симмонса директору по операциям, к Симмонсу же и вернулись «для изучения и оценки». И тогда Симмонс, поняв исходящую от Алекса Коннелла опасность, начал сживать его со света.

... Из порта в офис компании Алекс приехал за пятнадцать минут до начала совещания. Перекинувшись приветствием с коллегой и приятелем Дэвисом, Алекс успел ещё выпить кофе и, собрав бумаги, направился в кабинет мистера Осла, то есть, конечно же, мистера Симмонса. Круглолицый, лоснящийся жиром до самой макушки своей плешивой головы Симмонс на совещании как всегда долго говорил банальности, читал нравоучения, а потом стал заслушивать отчёты сотрудников. После Дэвиса дошла очередь до Алекса. Алекс отчитался о прибытии груза в порт, о небольших проблемах, возникших с таможней, и о том, что в настоящее время груз доставлен на склад. А закончил отчёт заявлением, что по причине крайней неэффективности транспортного маршрута задержка с доставкой груза составила три месяца.

После этой фразы на совещании наступила полная тишина. Сотрудники – кто с испугом, кто с удивлением – уставились на Алекса. Каждый из них знал, что маршрут, названный Алексом Коннеллом «крайне неэффективным», является гордостью мистера Симмонса. Симмонс лично разработал и расписал все операции маршрута двадцать лет тому назад и последующие двадцать лет мучил рассказами о его достоинствах начальство и подчинённых. На самом же деле маршрут мистера Симмонса давно устарел, но Симмонс не хотел этого видеть и снова и снова заставлял отправлять им грузы, не считаясь с потерями компании.

Услышав заявление Алекса, Симмонс стал быстро-быстро перебирать на столе мясистыми пальцами, словно хотел подтянуть к себе Алекса поближе.

– И в чём же состоит неэффективность маршрута? – произнёс Симмонс тоном, от которого сотрудники втянули головы в плечи.

– В неправильном подборе вида транспорта и мест перегрузки, – ответил Алекс предельно спокойно. – Неэффективно возить груз морем с тремя остановками, когда можно доставить контейнеры на восточное побережье и переправить в Сиэтл по автодороге. Возникающее же удорожание окупается сэкономленным временем с учётом способа оплаты товара. А по морю груз идёт так медленно, что даже осёл успеет пешком пересечь страну туда и обратно.

На этих словах мистер Симмонс побагровел: он знал своё

прозвище в компании.

– Если не верите, – сказал Алекс, собирая бумаги, – можете провести эксперимент лично.

Покинув совещание, Алекс испытал огромное облегчение, словно сбросил с себя тяжёлую ношу, или, точнее, старую отжившую кожу. Немного неловко ему было разве что перед коллегами, которым сейчас приходилось выслушивать вопли мистера Симмонса. Но коллеги, кажется, были не в претензии. Дэвис появился из кабинета начальника, давась от смеха. Остальные, высыпав следом, издали потрясали рукой с поднятым большим пальцем и хохотали по углам.

– Всё-таки уходишь? – спросил Дэвис, навеселившись.

Его веснушчатое лицо выражало теперь искреннее сожаление.

– Ухожу, – подтвердил Алекс, укладывая в коробку вещи.

– А куда?

– Пока думаю. Товарищ по университету зовёт в UPS, он там продвигается. Согласны даже два-три месяца подождать.

– Хочешь пару месяцев отдохнуть? – закивал Дэвис.

– Не совсем. Съездить хочу.

– Куда это?

– ...Я тебе как-то рассказывал, – помедлив, произнёс Алекс.

Несколько секунд Дэвису понадобилось, чтобы сообразить, о чём идёт речь.

– Понятно, – сказал он. – Ты давно мечтал. Но, кажется, –

вспомнил он вдруг, – тебе туда нельзя? Какой-то запрет, а? Я, правда, не понял, какой. Или всё, проблема решена?

– Не решена, – признался Алекс. – Но я съезжу, рискну. Дэвис покачал рыжеволосой головой.

– И когда собираешься?

– Послезавтра самолёт.

Очистив стол, Алекс объявил коллегам об уходе, попрощался с каждым и, выслушав напутственные пожелания, у кого-то искренние, у кого дежурные, направился в отдел персонала, где уже были готовы документы на увольнение. Следом с собранной коробкой тащился Дэвис, который сам на этом настоял.

– Как-нибудь выпьем, – сказал Алекс у машины.

Дэвис легонько толкнул его кулаком в плечо.

Из машины Алекс набрал номер Рэйчел. Собственно, ей можно было не звонить, но на Алекса накатил приступ сентиментальности: всё-таки полтора года провели вместе.

– Едешь туда? – переспросила Рэйчел, изображая заинтересованность.

В последнее время ей удавалось это хуже и хуже.

– Туда.

– Вроде бы, имелись какие-то препятствия?

– Решил съезжу.

– Ну, пока.

«Зря позвонил», – подумал Алекс.

Отца он решил набрать из дома.

Отец проживал в Орегоне, где у него была другая семья. Алексу исполнилось девять лет, а Вильяму, брату Алекса, семь, когда отец с мамой развелись. Суд распорядился, чтобы после развода дети жили раздельно, по одному у каждого из родителей, а через год менялись. Таким образом, когда Алекс находился в доме мамы, Вильям был у отца, и наоборот, и братья переезжали из штата в штат, видясь только мимоходом. Может быть, поэтому они выросли настолько разными, и особой доверительности между ними не было. Жить вместе братья стали только после смерти мамы, в её доме, когда она неожиданно и скоропостижно скончалась от опухоли мозга. Эта ужасная и внезапная потеря несколько сблизила их, так что они даже решили пока оставаться под одной крышей, но всё равно и здесь виделись не слишком часто, потому что Вильям, будучи музыкантом, зарабатывал деньги работой в малоизвестных разъезжающих коллективах.

Отец, когда Алекс сообщил ему о поездке, страшно разволновался. Несмотря на то, что работал он в технической сфере, натура у него была чувствительная, творческая. В молодости он, как и Вильям, отдал дань музыке, хотя никогда не проявлял столь легкомысленного отношения к жизни, как тот. Алекс считался гораздо серьёзнее брата. В семье это объяснялось возрастом, но на самом деле причина была в другом: просто братья обладали разными темпераментами, принадлежали к противоположным психологическим типам, и если не любящий торопливости Алекс чаще пред-

почитал думать, то импульсивный Вильям – просто действовать в уверенности, что всё утрясётся само собой.

Понятно, что и решение о поездке Алекс принял не спонтанно, а после продолжительных размышлений. И всё же отец как мог стал отговаривать сына, напоминая о существующем предостережении. Алекс сказал, что уже получена виза и куплены билеты на самолёт и, успокаивая отца, пообещал связываться с ним так часто, насколько это возможно.

Вильям позвонил сам, застав Алекса на традиционной вечерней пробежке. Привычку к бегу и физическим упражнениям, давно переросшую в потребность, Алекс выработал ещё в юности, когда серьёзно занимался хоккеем и даже был на заметке у «Seattle Thunderbirds». Сейчас Алекс брал в руки клюшку очень редко, но поддерживать физическую форму считал для себя обязательным.

Вильяма он собирался набрать завтра с утра, когда тот наверняка будет свободен, но Вильям позвонил сам.

– Привет, Алекс!

Голос Вильяма с трудом пробивался сквозь громкую музыку. Тон же у брата был обычный, со сквозящей иронией.

– Тебя плохо слышно, – сказал Алекс, переходя с бега на шаг.

– Минуту.

Вскоре музыка стала тише.

– Закрылся в какой-то конуре, – пояснил Вильям. – Ты на пробежке?

– Пустяки.

– Мы разговаривали с отцом, – слышно было, как брат закурил. – Он переживает.

– Да, я знаю. Но уже готовы виза и билеты.

– А меня в свои планы ты не стал посвящать? Оставил бы записку на кухне? – ирония Вильяма всё же не скрыла того, что он уязвлён.

– Ты как всегда слишком неожиданно уехал. Я планировал позвонить завтра утром. Кстати, где ты сейчас?

– В Южной Дакоте.

– Ну и как там?

– Есть одна более-менее... Слушай, ведь ты же знаешь предостережение деда: поездка может быть крайне опасна для любого из нас.

– Дед говорил об опасности для своих детей.

– Не исключая и внуков.

– Я знаю. Но мне необходимо съездить.

– Зачем?

– Я обещал маме.

– Маме?.. Ты не говорил о своём обещании. Неужели она не возражала?

– Я обещал... на её могиле.

Они замолчали. Вильям выдыхал дым, и Алекс представлял себе, как его коротко стриженный брат с серьгой в ухе и цветной татуировкой на шее по привычке крутит сигарету двумя пальцами.

– Когда планируешь вернуться?

– Виза выдана сроком на два месяца, так что дольше всё равно не задержусь.

– Но ты не пропадай, – к Вильяму вновь вернулся его привычный тон. – А то ответишь на звонок потерявшего сон брата, что планировал сообщить о себе завтра утром.

В трубке вновь послышалась громкая музыка.

ГЛАВА 2

То, что они с Вильямом наполовину русские, Алекс Коннелл узнал уже будучи взрослым, в возрасте двадцати пяти лет. До этого он ощущал себя лишь американцем ирландского происхождения, католиком по вероисповеданию, как и все родственники отца, Майкла Коннелла. О родственных корнях мамы Алекс не задумывался и понятия не имел, что её девичья фамилия Голдвин на самом деле – видоизменённая Холвишев, Анна Холвишев. А заинтересовался этим случайно, разглядывая семейный альбом, когда с обратной стороны одной из фотографий – фотографии маминих родителей, увидел надпись на незнакомом языке.

Эту бабушку Алекс помнил. Деда почти нет, а к бабушке в Уоррен штат Мичиган они ездили всей семьёй, когда отец и мама ещё не были в разводе. Потом бабушка заболела, и Анна, навещая её, не брала с собой детей. В памяти Алекса бабушка сохранилась хлопотливой подвижной женщиной,

которая всё норовила накормить внуков неизвестными им блюдами, чему они всячески противились, зато с удовольствием принимали от неё многочисленные сладости. Когда же бабушки не стало, воспоминания о ней со временем стали стираться и всплыли вновь только теперь, оживлённые старыми фотографиями.

На них бабушка была вместе с мужем. Звали их Борис и Вера Холвишев. Парой они выглядели подходящей: радостная, статная, чуть полноватая Вера с тонкими бровями и маленьким носом, и серьёзный, широкой кости и видимой силы Борис, с которым Алекс сразу уловил собственное сходство. Заинтересовавшая Алекса фотография оказалась подписана на русском языке – родном языке дедушки с бабушкой, а значила надпись попросту: «Боря и Вера. 1955 год».

Открывшиеся сведения весьма заняли Алекса. Это было новое ощущение: ощущение в себе другой крови. Тем более, что сам он оказался очень похож на деда, которого почти не знал. Да и имя Алекс, Александр, часто встречающееся в России, было выбрано ему, по признанию мамы, не без влияния дедушки с бабушкой. Зато имя брату, Вильям, одобряли уже родственники отца, которые и нянчились с младшим мальчиком больше. Но разумеется, Вильям совсем не из-за имени или родственного окружения отнёсся к известию о наполовину русском их с Алексом происхождении спокойно, если не сказать равнодушно, и лишь в свойственной ему манере спросил, платит ли русский президент пособие вре-

менно оставшимся без работы музыкантам? Просто Вильяму было абсолютно всё равно, откуда прибыли его предки, хоть бы из дебрей Амазонки или с Южного полюса. Поэтому, оставив Вильяма в покое, Алекс, достаточно хорошо знавший ирландские корни отца, решил теперь самостоятельно заняться генеалогией мамы.

К его удивлению на расспросы о бабушке с бабушкой Анна отозвалась неохотно. Алекс не отставал. И мало-помалу добился от мамы сведений, которые, без преувеличения, поразили его. Дело в том, что Борис и Вера Холвишев не просто эмигрировали из страны, называвшейся тогда ещё Советским Союзом. Оказалось, что в 1958 году они бежали оттуда на голландском судне, следующем через турецкий порт! При этом Вера всего через три месяца готовилась родить первого и единственного их с Борисом ребёнка – будущую маму Алекса и Вильяма, а возраст беглецов, что выяснил Алекс особо, обратившись к их дням рождения, являлся уже далеко не юношеским: Вере – тридцать шесть лет, а Борису Холвишев – сорок два года. И вдруг – бегство через моря и океаны, до которых, вероятно, ещё предстояло добраться по суше! Очевидно, что причины, побудившие Бориса и Веру к столь рискованному шагу, являлись весьма и весьма серьёзными.

Поначалу Алекс решил, что дед занимался в Советском Союзе протестной политикой: боролся с коммунистическим режимом. После разговора с мамой версия эта отпала. Дед

их был человеком простым и аполитичным. Зато, что добавило нового колорита к его биографии, не столь обычным в плане профессии, рода занятий: он в частном порядке – то в составе небольшой артели, а то индивидуально – добывал золото, сдавая его государству, то есть был золотоискателем, голд-диггером. Но сдавал, похоже, не всё, ибо во время побега именно золотом и рассчитался с голландскими моряками.

На этом сведения о прошлой жизни Бориса Холвишев исчерпывались. События, побудившие его оставить родину и перебраться в США, также не были известны. Он не раскрыл их даже жене Вере, которую, увозя среди ночи из дома, попросил ни о чём не спрашивать. И лишь в Америке, когда родилась и подросла их дочь Анна, сказал им обеим однажды, что строжайше запрещает Анне, равно как и другим своим детям, если таковые родятся, когда-либо посещать Россию по причине грозящей им там опасности, а также предостерегает от подобной поездки будущих внуков, ибо опасность может распространяться и на них. Тайну подобного запрета Борис унёс с собой в могилу.

Вера и Анна откровенно поговорили по поводу напугавших их слов Бориса уже после его смерти. Вера припомнила, что в России её муж, случалось, уходил по ночам из дома, ссылаясь на надобности золотоискателя, и возвращался всегда очень хмурым. После одной из таких отлучек она обнаружила на его одежде следы крови и спросила об этом. Сме-

шавшись, Борис пробурчал в ответ, что нечаянно поранил руку. И хотя никакой раны на руке не было, Вера удовлетворилась отговоркой, решив, что ей не следует лезть в мужские дела: правила, которого она придерживалась всю их совместную жизнь. Но теперь события того дня виделись Верой в ином свете.

На основании её воспоминаний мать и дочь пришли к мысли, наиболее правдоподобно объясняющей им поведение Бориса и случившееся затем бегство: в России он совершил какое-то ужасное преступление, видимо, убийство, последствия которого длительное время могут представлять опасность для всей семьи. И решив так, никогда больше не касались этой темы.

Анна и сейчас не стала бы посвящать сыновей в столь неприглядные семейные истории, если бы не настойчивые расспросы Алекса, но в большей степени – если бы не обязанность передать детям предостережение их деда.

Вильям отнёсся к словам матери с юмором, заявив, что теперь, если даже русский президент захочет выплатить ему денежное пособие, Вильям потребует, чтобы деньги выслали в Америку, а сам за ними не поедет. Иное дело Алекс. История про деда-убийцу, бегущего под покровом ночи с беременной женой и мешком золота отозвалась в нём лавиной фантазий, мыслей и чувств. Но ещё Алексу стали понятны некоторые особенности поведения мамы – её замкнутость, ежедневные молитвы и частые посещения церкви: будучи

единственной, горячо любимой дочерью отца и всю жизнь нежно отвечая ему тем же, Анна, узнав после его смерти правду и пережив в связи с этим сильнейшую внутреннюю драму, надеялась теперь вымолить для него у Бога прощение.

Мама, о чём знали и Алекс, и Вильям, верила в загробную жизнь, в Страшный суд и в то, что за тяжкие грехи расплачиваться предстоит как самому грешнику, так и всему его роду. Похоже, любовь и жалость к отцу, неотступные мысли о его преступлении и боязнь за своих детей, вынужденных когда-нибудь понести наказание за грехи деда, легли грузом на сердце Анны, и груз этот оказался слишком тяжёл. Следствием состояния Анны явился, скорее всего, и её развод с Майклом Коннеллом, поссориться с которым, ввиду его уступчивости и мягкости, не удавалось практически никому.

Алекс нечасто посещал церковь – не чаще, чем это было принято окружающими: на Рождество, на Пасху и время от времени в выходные дни. Но не будучи твёрдо верящим в загробную жизнь, как её объясняла церковь, и точно так же не ставший бы этого отрицать, чувствовал тем не менее, что существует неясная таинственная связь между родственниками живыми и умершими, стоит только предпринять душевные усилия по её установлению, вернее – по её улавливанию. Ранее, например, он чувствовал подобную связь с дедушкой и бабушкой Коннелл и с бабушкой Верой. А теперь всё вернее стал улавливать её с Борисом Холвишевым.

Алекс рассматривал фотографии деда, пытаясь найти в нём признаки кровавого убийцы, и не находил. Схожее с чертами самого Алекса лицо, которое он не без внутренней гордости находил мужественным – высокий лоб, суровая складка между бровями, нос с крепкой переносицей, прямая линия выраженного подбородка – представляло Бориса человеком серьёзным и основательным, дорожащим женой и семейным очагом и вряд ли способным на безрассудные поступки. Впрочем, как сказал на это наблюдение Вильям, из-за золота, с которым имел дело дед, сбивалась с пути истинного не одна человеческая душа. И Алексу соглашаться или не соглашаться со столь банальным замечанием брата не имело смысла: ну да, у кого-то сбивалась, а у кого-то не сбивалась, и разве применимы для каждого случая все расхожие представления, как, например, о всепобеждающем соблазне золота?

Хотя, надо признаться, на фотоснимках, даже тех, что были сделаны в Соединённых Штатах, дед никогда не смеялся и не улыбался, словно и вправду чувствовал за собой тяжкую вину. За исключением разве что одной фотографии, привезённой из России.

На ней деду было лет сорок. В заправленных в сапоги брюках и светлой рубашке, закатанной до локтей, он стоял, облокотившись на потемневшую от времени бревенчатую стену, располагавшуюся под наклонной крышей – возможно, стену своего дома, и улыбался. Улыбка деда не выглядела де-

журной, исполненной для снимка, а, словно бы, предназначалась кому-то: пошутившему ли фотографу, или жене Вере, оставшейся за кадром, или тем, кто будет эту фотографию рассматривать.

Алекс рассматривал. Он пытался проникнуть в мысли Бориса, представить, каким тот был, что любил и не любил, о чём думал и чего боялся – ведь боялся же, раз убежал. И если в непосредственные мысли давно ушедшего человека проникнуть было всё же нереально, то иногда Алексу казалось, что с помощью фотографии он приближался к сферам, где на своё умозрительное обращение получал едва различимый благожелательный отклик от деда.

И ещё одна деталь заинтересовала Алекса: на снимке рядом с рукой Бориса он разглядел маленький белый крестик – вырезанный, либо нарисованный на бревенчатой стене. Крестик был едва замечен и, вообще-то, мог являться дефектом плёнки или аппаратуры, или даже соринкой, попавшей на объектив. С этими двумя вопросами – по поводу крестика на стене и отклика от деда, Алекс при встрече обратился к брату.

Покрутив в руках фотографию, Вильям первым делом отметил, что Алекс и Борис внешне очень похожи. Потом сказал, что лично он, Вильям, никакого отклика от деда, по крайней мере, глядя на снимок, не слышит. Относительно же крестика – да, вроде бы, виден крестик, только он, Вильям, не понимает, какое это может иметь значение? Алекс и сам

не понимал, и вообще, не знал, есть ли здесь какое-то значение? Просто обратил внимание на едва различимый знак и теперь получил подтверждение его реальности.

А потом заболела мама. Обнаруженная у неё опухоль быстро разрасталась. Анна восприняла болезнь стойко, словно давно ожидала её, и, пока была в памяти, лишь часто просила Алекса сходить в церковь помолиться, потому что ей самой, пожалуй, сейчас не дойти. Оставив у кровати примчавшегося из Орегоны отца и своего брата Вильяма, Алекс спешил в церковь. Он обращался к Богу не за себя, не за Вильяма и не за деда, как хотела того мама, а молился – впервые в жизни подолгу и страстно – за её выздоровление, потому что, если эта болезнь была несчастливой случайностью, то пусть, просил он, несчастье оставит их дом, а если, как считала мама, посылалась ей в наказание, то несправедливо, чтобы одни люди отвечали за грехи других, хотя бы даже за своих родителей. Да и были ли эти грехи, никто не знает!

Мама умерла с тяжёлым сердцем. Алекс видел это по её скорбному лицу, пока оно ещё не было подкрашено для похоронной церемонии. Стоя у могилы, он пообещал тогда маме выяснить всю правду об их семье, для того, чтобы она могла покоиться с миром, не переживая о душе отца и судьбе своих сыновей. И с того дня из всех задач главной считал одну – разгадку тайны Бориса Холвишев.

Алекс едва не опоздал на самолёт. Будильник, который раньше никогда не давал сбоев, по странной причине не прозвонил. Глянув на часы, Алекс вскочил как ошпаренный и собирался в ужасной спешке, боясь что-либо забыть или упустить. Так и случилось. Выехав на автостраду, он вдруг вспомнил, что не включил в остающемся без надзора доме сигнализацию. Пришлось с полдороги возвращаться, действуя потом в режиме уже полного цейтнота.

По пути в аэропорт машина попала в пробку. «Уж не мешает ли мне что-то лететь?» – мелькнула у Алекса мысль. Он постарался побыстрее избавиться от неё, поскольку намеревался твёрдо следовать поставленной цели, и во многом благодаря своему намерению сумел-таки добраться до аэропорта не слишком поздно и пройти на уже закончившуюся посадку, упросив строгих контролёров.

Лететь предстояло с двумя пересадками. Первая была в Нью-Йорке через пять часов. Самолёт поднялся в воздух, и Алекс, проверяя время, глянул на циферблат наручных часов русской марки «Командирские». Часы были у Алекса не единственным приобретением, имеющим отношение к России. Кроме них он купил и повесил на стену российский флаг, установил на компьютере русскую антивирусную программу и скачал несколько русских песен, одну из которых, из репертуара певицы прошлого Лидии Руслановой, выучил наизусть: о русской зимней обуви валенки.

Одновременно он стал интересоваться политикой Кремля, личностью русского президента и, вообще, событиями, связанными с Москвой. Не полагаясь полностью на американские СМИ, Алекс теперь ежедневно просматривал телепрограммы «RT – Russia Today» и, получая таким образом информацию из разных источников, вскоре прослыл среди коллег экспертом по русским вопросам.

Эта тяга к России возникла и укрепилась у Алекса постепенно, по мере того, как он сознавал в себе русскую кровь. Разумеется, он был и продолжал оставаться американцем, привыкшим с детства считать себя свободным гражданином величайшей в мире свободной страны. Но теперь некоторая часть его души принадлежала и далёкой земле, о которой он раньше практически ничего не знал.

«Тогда что же такое нация? – размышлял Алекс по этому поводу. – Сообщество людей, которые чувствуют своё единство, или сообщество людей, которые единство признают? Иными словами, живёт ли принадлежность к нации в сердцах людей или только в их головах?» Ведь окажись его мама не русской, а, скажем, японкой, он бы сейчас, пожалуй, стал любителем сакэ и восхищался кодексом самурайской чести. И всё же мама Алекса была русской, и восхищался он поэтому кристальной чистотой русской водки, которую раньше совсем не пил, и песней об истёршейся зимней обуви валенки.

Решив выяснить тайну бегства деда из Советского Сою-

за, Алекс долго мучился, с какой стороны к ней подступить? Не сохранилось ни одного упоминания о прежнем месте жительства деда с бабушкой, или хотя бы о том, из какой части страны они прибыли к морю под названием «Чёрное», откуда уходили корабли в Турцию. Но зато становилось всё очевиднее, что для разгадки тайны рано или поздно необходимо будет отправиться в Россию. И Алекс стал посещать курсы русского языка, где благодаря завидному старанию довольно скоро научился писать и прилично изъясняться по-русски.

Он попробовал применить полученные знания на работе, представив мистеру Симмонсу бизнес-план по использованию складских и транспортных возможностей России в интересах компании, но натолкнулся лишь на упрямство мистера Осла, считавшего русское направление абсолютно бесперспективным.

Зато самому Алексу знание языка дало возможность проникнуть в русскоязычный интернет, где он пропадал теперь целыми вечерами с целью не только почитать новости, но и обнаружить что-либо значимое касательно истории Бориса Холвишев. К сожалению, итоги изысканий были неутешительными: поисковые системы по запросу «Холвишев» результатов не давали; на форуме исторического сайта, где Алекс разместил однажды небольшое объявление, о такой фамилии ничего подсказать не смогли; центров золотодобычи в России оказалось несколько, и располагались они на сотни и даже тысячи миль друг от друга. Выступать же более от-

крыто в интернете по интересующей его теме Алекс опасался, помня предупреждение деда о существующей опасности.

Однажды, придя на языковые курсы, Алекс в ожидании начала занятий просматривал разложенные на столике рекламные проспекты с предложениями российских товаров и услуг. Эти проспекты рассылались по всем школам изучения русского языка, и благодаря таким предложениям Алекс купил себе, в частности, часы «Командирские». Но в этот раз его заинтересовало нечто другое: реклама фирмы, специализирующейся по поиску родственников и друзей в России. Подумав, Алекс решил, что подобная фирма могла быть ему полезна. Соблюдая меры предосторожности, дабы не сообщить о себе ничего лишнего, он написал на указанный электронный адрес письмо, где высказал свой интерес к людям с фамилией Холвишев.

Удивительно, но при пересадке в Нью-Йорке с полётом вновь возникли сложности: на место Алекса оказалось выписано два билета, и второй пассажир свой талон уже зарегистрировал. И хотя авиакомпания, осуществляющая перевозку, извинилась перед Алексом и нашла ему другое место, осадок в душе, вызванный то и дело возникающими в пути неприятностями, остался. Впрочем, не стоило придавать неприятностям излишнего значения, и Алекс, переключившись с того, что произошло, на то, что предстояло, отправился в перелёт через океан.

На посланное Алексом по рекламному проспекту письмо об интересе к людям с фамилией Холвишев почти месяц не было ответа. Наконец ответ поступил за подписью человека по имени Сергей Устинов. В письме содержалась благодарность за обращение, сообщались расценки за предстоящую работу – расценки вполне приемлемые – и запрашивалась дополнительная информация, которая могла бы сузить круг поисков: кого именно предполагается в России найти, в какой части страны эти люди могут проживать и кем они являются для запрашивающей стороны? Алекс сообщил, что никаких дополнительных сведений у него нет, а люди с фамилией Холвишев могут являться его дальними родственниками.

Увы, этого оказалось недостаточно. Сергей Устинов написал, что поиск по столь скудным данным вряд ли увенчается успехом, и, извинившись, что не может помочь, выражал дежурную надежду на продолжение сотрудничества в дальнейшем. Алекс задумался: видимо, для достижения результатов раскрыть кое-какие подробности всё же предстояло. В новом письме он сообщил, что выяснил имена уехавших в 1958 году из Советского Союза людей: Борис и Вера Холвишев, а также род занятий Бориса: золотоискатель, и хотел бы получить подробности об их прошлой жизни. После небольшой паузы Сергей ответил, что с первой попытки обнаружить ничего не смог, но, если заказчик выскажет желание, готов за-

няться поиском более тщательным и трудоёмким. Стоить это будет на тысячу долларов дороже, плюс, если понадобится, командировочные расходы. Алекс на предложение согласился. Сергей попросил пятьсот долларов аванса и после перечисления денег исчез.

О мошенниках, промысляющих под завесой интернета, Алекс слышал неоднократно, но не думал, что даст им с такой лёгкостью себя обмануть. Он уже смирился с потерей денег, решив вести себя в следующий раз более осмотрительно, как вдруг Сергей Устинов объявился. Не без гордости Сергей сообщал, что нашёл кое-что интересное касательно семьи Холвишев, правда, для уверенности ему необходимы даты рождения Бориса и Веры.

Прочитав письмо, Алекс взволновался: если Сергею действительно удалось напасть на след деда и бабушки, это могло явиться ниточкой к последующей разгадке их тайны! Алекс хотел немедленно переслать требуемые сведения и даже едва не нажал клавишу «Enter», чтобы отправить сформированный файл, но в самый последний момент передумал, оставляя себе возможность для отступления: сослаться в случае чего на несоответствие возраста найденного человека и разыскиваемого родственника. А Сергею написал, что даты рождения найти пока не может.

Теперь сообщение от Сергея пришло быстрее. Алекс заранее решил, что если тот снова попросит денег – не платить ни цента до получения конкретных сведений. Но Сер-

гей денег не просил. Он написал, что согласно информации, которую удалось раздобыть, человек с именем Борис Холвишев проживал в нескольких десятках километров к северу от уральского города Екатеринбург. У Сергея, по его словам, имелись соображения о более конкретном направлении поисков, а потому он хотел бы знать, в каком формате заказчик видит их дальнейшее сотрудничество?

Открыв в интернете страницу о Екатеринбурге, Алекс понял, что формат сотрудничества с Сергеем, скорее всего, предстоит расширить. Екатеринбург являлся огромным городом и считался центром богатого региона Урал. Чтобы отыскать следы деда в десятках километров от Екатеринбурга, необходимо было отправиться туда, а без помощника сориентироваться в чужой стране на отдалённой территории являлось задачей трудновыполнимой. Алекс ответил Сергею, что планирует вскоре приехать в Екатеринбург и был бы рад видеть Сергея в качестве своего провожатого.

Сергей долго раздумывал, прежде чем сообщил, что единственное время, которое мог бы выделить на поисковую экспедицию – это в сентябре текущего года, вместо своего отпуска, который, вообще-то, собирался провести на морском курорте. Предлагал Сергей также рассмотреть вариант поездки Алекса в следующем году, или через год, хотя сам соглашался, что загадывать так надолго пока преждевременно.

Алекс тотчас написал, что приедет нынешней осенью, а отмену отдыха на море готов в разумных пределах компен-

сировать. Они сошлись на включающей всё дополнительной сумме в две тысячи долларов, которые заказчик обязался выплатить исполнителю по результатам проделанной работы.

Оставалось ещё получить российскую визу. Основанием для её запроса Сергей предложил указать деловую поездку. Поинтересовавшись у Алекса сферой его профессиональной деятельности, Сергей подобрал мероприятие по логистике, проходящее в сентябре в Екатеринбурге. Организация, устраивающая мероприятие, с готовностью откликнулась на желание американского специалиста приехать в Екатеринбург, и проблема с приглашением, а затем и с российской визой таким образом была решена. В то же время конфликт Алекса с начальником на работе, мистером Симмонсом, достиг своего апогея.

И вот теперь, сделав последнюю пересадку в Москве, Алекс летел в Екатеринбург с намерением выполнить данное маме обещание и выяснить всю правду о её отце и своём деде.

ГЛАВА 4

Самолёт приземлился в Екатеринбурге в шесть-пятнадцать утра. Более часа заняла процедура высадки, пограничного контроля и получения багажа, и в половине восьмого Алекс вышел из аэропорта Кольцово.

Сергей Устинов заранее извинился, что не сможет встре-

тить гостя по прилёту. Встреча была назначена в девять часов недалеко от кафе «Дорожное», координаты которого Алекс имел при себе. В кафе он предполагал и позавтракать.

Температура воздуха в Екатеринбурге в этих числах сентября была примерно такой же, как в Сиэтле: днём – шестьдесят пять по Фаренгейту, то есть градусов восемнадцать-девятнадцать по Цельсию. Но воздух, что сразу отметил Алекс, привыкший к влажному дыханию океана, пах совершенно по-другому: большим материковым промышленным организмом. Утро выдалось ясным, а потому прохладным. Облачившись в вытащенную из сумки джинсовую куртку, Алекс направился к стоянке такси.

По рекомендации Сергея он собирался скрыть от таксистов, что является американцем, да и вообще, иностранцем, дабы не переплатить в несколько раз дороже. Если начнутся расспросы по поводу акцента, советовал Сергей, можно представиться командировочным из Молдовы или Латвии – стран близких России территориально и исторически. Алекс из интереса установил для себя высокую планку – постарался казаться русским парнем: был непринуждён и, скрывая произношение, немногословен, будто всё окружающее ему знакомо и давно приелось. Но, кажется, таксист, сразу завесивший счётчик, всё равно взял с пассажира лишнего и не стал возражать, когда увидел в качестве оплаты доллары. В кафе «Дорожное», оказавшееся небольшой закусочной, Алекс рассчитался банковской картой.

После завтрака, выйдя на улицу, он нашёл скамейку, указанную Сергеем в заключительном письме, и, поставив рядом с собой чемодан, сел ждать. Стрелки часов приближались к девяти. Согласно предварительной договорённости, встретившись, Алекс и Сергей должны были отправиться к северу от Екатеринбурга в направлении города Нижний Тагил и ещё дальше – в местности, где вот уже двести с лишним лет добывалось золото, и где, по сведениям Сергея Устинова, жил в своё время Борис Холвишев. А пока позволяло время, Алекс позвонил в США – отцу, а потом Вильяму, и сообщил, что долетел хорошо и в кафе, где он позавтракал, кофе варят приличный. Вильям тут же потребовал от брата договориться в кафе насчёт концертов популярнейшей американской рок-группы. Рассмеявшись, Алекс сказал, что если рок-группа втащит с собой в кафе инструменты, мест для зрителей уже не останется.

За разговором Алекс не заметил, как со стороны, скрытой телефонной трубкой, к нему приблизился человек. Встав у скамейки, человек пристально разглядывал говорившего, никак себя не обнаруживая. Алекс увидел его, лишь когда опустил трубку, и на секунду успел перехватить препарирующий взгляд, тут же исчезнувший за широкой приветственной улыбкой.

– Если не ошибаюсь, Алекс Коннелл? – спросил человек по-английски.

– Да. А вы Сергей Устинов? – поднялся Алекс.

Фото Алекса имелось в учётной записи его электронной почты, и партнёры по переписке представляли, как он выглядит. У Сергея Устинова фотографии в почте не было, и Алекс видел его впервые. В одной руке Сергей держал папку с бумагами, другую протянул для рукопожатия:

– Вообще-то, правильно моё имя звучит «Сургон». Вы можете называть меня так.

– Хорошо, Сургон, – с готовностью ответил Алекс.

– Как долетели?

– Дорога достаточно утомительна, но я выспался в самолёте.

– Значит, у вас здоровая нервная система. В дополнении, как я вижу, к прекрасным физическим данным.

– Спасибо.

Сам Сергей, или, как он просил называть себя – Сургон, был тоже отнюдь не subtilen. В светлом трикотажном джемпере, лет сорока двух – сорока пяти, ростом примерно с Алекса, он казался шире в плечах и имел более мощные ноги, чего не скрывали фиолетового цвета джинсы, обтягивающие бёдра. Встретившись с Сургоном на хоккейной площадке, Алекс предпочёл бы избежать столкновения с ним на большой скорости, хотя спорт научил его вступать в единоборства с такими крепкими парнями. Волосы Сургон имел чёрные, вьющиеся, спадающие на плечи; нос – с горбинкой; губы – не тонкие и не пухлые, а оптимальной величины и здорового розового оттенка. И такой человек мог бы счи-

таться едва ли не образцом сильного, привлекательного и уверенного в себе мужчины, если бы не одна неприятная деталь: дефект лица, правая половина которого была немного опущена, что создавало впечатление, будто лицо готово потечь вниз.

– Вы позавтракали? – спросил Сургон.

– В этом кафе. И готов ехать. На чём мы поедем?

– Вон моя машина.

У обочины дороги стоял припаркованный компактный внедорожник серебристого цвета с эмблемой американской компании «Шевроле», но Алекс видел такой впервые.

– Удивлены? – улыбнулся Сургон. – Это совместный российский-американский автомобиль «Шевроле-Нива», пользуется у нас популярностью. Но прежде чем мы отправимся в путь, я бы хотел поговорить вот о чём.

– Мы можем общаться по-русски? – перешёл Алекс на русский язык. – Правильно, есть такое слово «общаться»?

– Есть, – подтвердил Сургон.

– Я собирался практиковаться в языке.

– Вижу, что вам нет особой необходимости практиковаться, вы владеете языком очень хорошо.

– Нет, нет, я только учусь. Где не смогу, я буду разговаривать по-английски.

– Разумеется. Я тогда перехожу на русский, и если что-то останется непонятным, спрашивайте.

– O'key.

– Так вот что я хотел обсудить. – Сургон сел на скамейку и пригласил последовать своему примеру Алекса. – Я хочу предложить вам ехать не к северу от Екатеринбурга, а в противоположную сторону, на юг.

– Зачем?

– Затем, что Борис Холвишев жил южнее.

– Но вы писали другое.

– Я писал неправду.

Алексу не слишком понравилось начало беседы.

– Когда я напал на след ваших родственников, – пояснил Сургон, – то обнаружил, что по счастливой случайности неплохо знаю местность, где они проживали, поскольку регулярно приезжаю туда по роду научной деятельности. Это уральский город под названием Миасс, расположенный отсюда в двухстах пятидесяти километрах. В Миассе находится научный центр Ильменского государственного заповедника, где в иные годы мне приходится задерживаться достаточно долго: до трёх-четырёх месяцев. Я научный работник, биолог... Моя речь не слишком быстра для вас?

– Нет, я всё прекрасно понимаю. Но почему вы не сказали об этом сразу?

– Потому что в Миассе находится не только Ильменский заповедник, но и ряд предприятий ракетно-космической отрасли, в том числе связанных с обороноспособностью страны. Иностранцам въезд в этот город категорически запрещён, а упоминание о нём в переписке с вами, американским

гражданином, грозило бы мне серьёзными неприятностями.

– Как, вы говорите, называется город? – достал Алекс смартфон.

– Миасс, два «с» на конце.

Войдя в интернет, Алекс набрал слово «Миасс». Официальный сайт, который открывался по данному запросу, рассказывал о городе с населением в сто пятьдесят тысяч жителей, расположенном на Южном Урале в Челябинской области. Гербом города являлся стоящий на горе лось. Пробежавшись по тексту глазами, Алекс обнаружил в нём подтверждение слов собеседника: и насчёт Ильменского заповедника, и насчёт предприятий ракетно-космической отрасли. Кроме того, значительная часть статьи рассказывала о миасских месторождениях золота и «золотой лихорадке», охватившей в своё время эти места.

– Но как я могу узнать, что мои родственники жили... в Миасс? – посмотрел Алекс ещё раз название.

– По-русски правильно сказать «жили в Миассе», – поправил Сургон. – Вот, пожалуйста, я захватил с собой.

Он раскрыл папку, которую до этого держал в руке, и, вытащив лист бумаги, подал Алексу. На пальце Сургона сверкнул золотой перстень с неким изображением. Алекс взял протянутую бумагу.

– Что это? – спросил он.

– Выписка из адресной книги города Миасса за 1940 год. В ней значится Холвишев Борис Николаевич. Других людей

по имени Борис Холвишев, и даже просто с фамилией Холвишев, мне в России найти не удалось. Можете ли вы сказать, что это и есть ваш родственник?

– ...Возможно, – уклончиво ответил Алекс.

– Кстати, кем вам приходится Борис Холвишев?

– Он... мой дед.

– Понятно. Сведения о Вере Холвишевой найти будет уже не так сложно, если вы сообщите мне её девичью фамилию и дату рождения. Вы готовы сделать это?

– Пока нет.

– Значит, я собрал все сведения, которые на данный момент представлялось возможным собрать, и мы могли бы рассчитаться за проделанную работу.

Сургон извлёк из папки ещё один лист бумаги, и Алекс разглядел изображение на золотом перстне – рельеф человеческого черепа.

– Здесь расходы по поиску, сумма полученного аванса и сумма к выплате.

Проверив расчёты, Алекс заплатил то, что был должен.

– И что дальше? – спросил он.

– Дальше? – убрал Сургон деньги. – Дальше всё будет зависеть от вашего решения.

ГЛАВА 5

Невдалеке, скрытое деревьями, грохотало автотранспор-

том шоссе. До кафе «Дорожное» грохот долетал вместе с запахом оседающей топливной гари.

– Каковы ваши планы? – спросил Сургон Алекса.

– Я хотел бы поехать в этот город... эээ... Миасс, и попытаться узнать подробности жизни Бориса.

– Слушайте, – пристально посмотрел на собеседника Сургон, – а что вы ищете в прошлом своих родственников?

– Ничего особенного, – не смутился под таким взглядом Алекс. – Просто хочу восстановить историю своей семьи. Про ирландские корни отца я знаю достаточно, а про русские корни матери – почти ничего.

– Мне импонирует ваша пытливость, – сказал Сургон. – Желание узнать больше о семье – не просто любопытство: это осознанное или неосознанное стремление – не знаю, как лично у вас – восстановить родовые связи. Человек не рождается ниоткуда – он плоть от плоти своих предков, и не уходит в никуда – продолжая жить в последующих поколениях. Связь между родителями и детьми имеет, с одной стороны, материальную природу – ведь ребёнок появляется на свет в результате слияния клеток отца и матери, – а с другой, если хотите, божественную: путём передачи зашифрованной в генах информации. И люди знали о существовании подобной связи задолго до появления науки генетики. Именно ради высокой задачи восстановления рода, а не только ради денег, я помогаю тем, кто разыскивает родственников.

После этих слов Алекс проникся к Сургону большей сим-

патией, чем в первые минуты встречи. Он и сам чувствовал нечто подобное – единство предыдущих и последующих поколений – и был рад, что его чувства разделялись кем-то ещё.

– Да, но как мне попасть в Миасс, если въезд иностранцам туда запрещён? – спросил Алекс.

– Тайно, только тайно. Причём, вы должно ясно сознавать, что, отправившись в закрытый город, подвергаете серьёзному риску не только себя, но и меня, выступающего вашим проводником, ведь нас запросто могут счесть шпионской организацией.

– Я понимаю.

– Вы должны будете на время поездки прервать всякие отношения с внешним миром. Вам придётся даже отдать мне свой мобильный телефон.

Алекс не ожидал подобных условий.

– Но у меня в США отец и брат, которым я обещал звонить, – сказал он. – Они встревожатся.

– Вы сможете посылать им письма через меня: я найду возможность сделать так, чтобы не встревожились ни они, ни русские спецслужбы.

Алекс задумался. Прерывать контакты с отцом и Вильямом, учитывая характер путешествия, ему не хотелось. Но судя по непреклонному тону Сургона, альтернативы, похоже, не существовало.

– Хорошо, – сказал Алекс, – я согласен.

– Тогда попрошу ваше средство связи.

Выключив смартфон, Алекс передал его собеседнику.

– И ещё, – сказал Сургон. – Я не могу требовать от вас отдать мне на хранение также и банковскую карту, поэтому хочу заранее предупредить: воспользоваться ей в Миассе будет невозможно, и всё по той же причине – чтобы не выдать ваше местонахождение.

– А если мне понадобятся деньги: доллары, или рубли?

– Снимите их сейчас.

– O'key, я готов.

– Тогда доедем до банкомата, и в путь! – показал Сургон на серебристую «Шевроле-Ниву».

Сняв деньги и протолкавшись более двух часов в городских пробках, Сургон и Алекс оставили Екатеринбург, двинувшись по плотно загруженной трассе навстречу солнцу, прыгающему жёлтым мячиком перед машиной. Во время пути Алекс с удивлением разглядывал тянущиеся по обе стороны дороги поля, перелески и небольшие холмы вдалеке.

– Что ты высматриваешь? – спросил Сургон. – Не возражаешь, если мы будем общаться на «ты»? Это более неформально.

– Конечно, – с готовностью согласился Алекс, для которого различия в обращении «ты» и «вы» представляли определённые сложности. – Я хотел спросить ты... тебя... – поправился он.

Сургон кивнул.

– ...Я читал, что Урал – это горный регион, который по-

лучил название от Уральских гор. Но здесь нет серьёзных возвышенностей. А также нет рек и озёр, хотя о них тоже написано. Я родился среди гор и водоёмов, и у нас в Сиэтле они видны отовсюду.

Из-за не слишком богатого словарного запаса Алекс продолжал произносить некоторые фразы и предложения по-английски. Сургона вполне устраивала такая манера беседы, и он сам вставлял английские слова, желая, чтобы смысл речи был более понятен собеседнику.

– Когда мы приедем в Миасс, ты увидишь и горы, и реки, и озёра, – ответил Сургон. – Просто здесь равнинный участок. Не забывай, что Уральские горы очень древние, гораздо старше Кордильер, а потому не такие большие. Но даже там, где на Урале нет хребтов, под ногами подчас скрыты залежи огромных природных богатств: металлов и минералов.

– И золота?

– В том числе и золота. Его здесь добывали с древнейших времён. Некоторые авторитетные учёные считают, что Урал и есть те самые Рипейские горы, о которых неоднократно упоминали античные авторы: горы, откуда к скифам стекало бьющее фонтанами золото. Другие античные источники связывали Урал с Гипербореей – местом, где в вечном счастье жил полумифический блаженный народ гиперборцев.

– О, – закатил глаза Алекс, – это было слишком давно.

– Ну, да, – иронично заметил Сургон, – ведь американцы

считают, что история человечества началась с высадки первых колонистов в Новой Англии.

– Просто я хотел сказать, что мой интерес к Уралу не простирается так надолго.

– Кто знает, – неясно ответил Сургон.

– Мне бы хотелось узнать о добыче золота в Миассе, куда мы направляемся, – сказал Алекс. – К сожалению, в отсутствие интернета я не могу получить эту информацию самостоятельно.

В словах Алекса проскользнул укор за лишение его средств связи, но Сургон предпочёл не заметить недовольства.

– Русские нашли золото в Миассе в конце восемнадцатого века, – сказал он, – положив начало периоду, который позже, по аналогии с Аляской, назовут «золотой лихорадкой», а Миасс – русским Клондайком. Ты, как житель Сиэтла, прекрасно представляешь, что это значит.

– «Золотая лихорадка» способствовала экономическому подъёму Сиэтла, – подтвердил Алекс. – Отправляясь на Аляску, искатели удачи следовали через наш город.

– А Миасс сам стал центром «золотой лихорадки». И хотя запасы золота здесь значительно уступали добытому на Клондайке, тем не менее его здесь было немало. Миасские купцы, как гласит легенда, просили царя разрешить им крыть крыши чистым золотом, но получили отказ. В Миассе же был найден один из крупнейших в мире и самый большой

в России самородок под названием «Большой треугольник» весом более тридцати шести килограммов. Пытал счастья в «золотой лихорадке» и сам русский царь – император Александр I. Прибыв в Миасс, он лично надолбил кайлом, а затем перекопал лопатой более трёхсот пятидесяти килограммов породы, откуда был намыт золотой песок и преподнесён монарху вместе с золотым самородком, найденным на том же месте днём ранее. В народе самородок получил имя «Подкидыш».

– Царь заслужил «Подкидыш», он много потрудился, – засмеялся Алекс.

– Профессия «золотоискатель» по-русски чаще произносится как «старатель» – тот, кто много старается, трудится. И император в полной мере испытал на себе труд старателя. Произошло это в день осеннего равноденствия, который, кстати говоря, вновь приближается. В тот же день, поднявшись на гору Ильменского хребта, император высочайше изволил оглядеть свои владения в двух частях света... Ты ведь знаешь, что граница между Европой и Азией проходит по Уралу? – спросил Сургон.

Алекс этого не знал, и Сургон был, кажется, рад, что вновь сообщил ему нечто необычное.

– Один из пограничных обелисков «Европа-Азия» находится здесь недалеко, вблизи Миасса, – сказал Сургон.

– Мы можем заехать посмотреть?

– Не сейчас, – замялся Сургон, – там много сувенирных

палаток, а значит, лишних глаз.

Между тем ландшафт местности, окружавшей дорогу, значительно изменился: относительная равнина, черневшая распаханными полями, стала вздыбливаться в поросшие травой и лесами холмы, а впереди в голубой дымке замаячили горы.

Остановив машину на автозаправке, Сургон последовал внутрь павильона рассчитаться за бензин. Алекс, уставший сидеть, вышел размяться. На раскладном столике какой-то человек продавал острые чёрные камешки, утверждая, что это обломки известного Челябинского метеорита, упавшего в здешнее озеро Чебаркуль. Купив один из кусочков, Алекс дошёл ещё до минимаркета, где взял бутылку колы. Сургон, видевший, как Алекс делал покупки, промолчал, но когда машина тронулась с места, произнёс жёстко, почти грубо:

– Говоря об опасности, которой мы подвергаемся, отправившись в Миасс, я имел ввиду, что такая опасность реально существует! И поскольку твой русский ещё недостаточно хорош, чтобы сойти за местного жителя, прошу тебя в дальнейшем исключить контакты с кем-либо из посторонних!

Алекс готов был выслушивать справедливые замечания, но в другой манере общения. Охота беседовать с Сургоном у него пропала, и оставшийся путь они проделали, слушая музыкальные передачи по радио.

Горы открылись внезапно при выезде с поворота. Заросшие лесами, словно старики щетиной, горы наползали с правой стороны дороги, заслоняя окружающий простор раздавившимися телами. Слева от асфальтового полотна, будто поднесённое старикам питьё, поблёскивала гладь озера.

– Вот и город Миасс, – сказал Сургон, прерывая долгое молчание, которое стало тяготить обоих.

– А озеро?

– Оно называется «Ильменское»: место сбора любителей авторской песни. Летом они приезжают сюда со всей России. Ты играешь на гитаре?

– У нас в семье я единственный, кто не играет на музыкальных инструментах, – улыбнулся Алекс.

У дороги въезжающих путников встречал каменный постамент с эмблемой города: наклонившим рогатую голову лосем. Чуть далее постамента гранями огромного минерала выступал из горы облицованный белым мрамором комплекс зданий.

– Центральный офис Ильменского государственного заповедника Уральского отделения Российской академии наук! – произнёс Сургон тоном, каким представляют на приёмах официальных лиц. – Куда я имею честь приезжать для работы едва ли не каждый год.

– Там какой-то памятник, – заметил Алекс скульптуру перед зданиями.

– Это памятник Владимиру Ленину, организатору пролетарской революции, имя которого носит заповедник. В 1920 году в самый разгар гражданской войны, когда молодое Советское государство отчаянно билось за выживание, Ленин неожиданно для многих подписал декрет об образовании внушительного по площади Ильменского заповедника в окрестностях города Миасса. В заповедник запрещалось входить и тем более вести разработку недр. Этот закон неукоснительно выполняется до сих пор за исключением работ, проводимых на основании специальных разрешений.

– Но почему?

Сургон усмехнулся.

– Античные авторы рассказывали про чудовищ с телами львов и головами грифов – грифонах, стерегущих несметные сокровища Рипейских гор. Видимо, Ленин решил, что с исчезновением грифонов сокровища стало некому охранять.

«Шевроле-Нива» въехала в город. Теперь складки рельефа стали возникать и по другую сторону от дороги. Серебристый автомобиль двигался по вытянутым вдоль долины улицам, словно шарик ртути катился по длинному жёлобу. На одной из гор, видимая отовсюду, вытягивалась к небу каркасная прямоугольная конструкция из тёмного металла.

– Это телевизионная башня, называемая здесь «вышкой», – сказал Сургон, – по ней иногда можно сориентироваться в лесу.

Миновав приземистые предместья, они достигли цен-

тральной части Миасса. Алекс с любопытством разглядывал русский провинциальный город, в котором, возможно, когда-то жили его предки. Трёх-, пяти- и девятиэтажные дома, выстроенные в духе минимализма, в значительном большинстве несли на себе печать былых времён, хотя попадались и современные высотные здания и целые районы, удачно вписанные в разноплановый ландшафт. Деревьев на улицах росло мало, но с учётом обступающих город лесов вряд ли их требовалось больше: долина и так наполнялась воздухом, пропитанным в это время года меланхолией осенней природы. Дороги по меркам Соединённых Штатов казались почти свободными от транспорта, который значительно уступал числом пешеходам. Одевались местные жители нарядно и несколько претенциозно, стараясь, как это принято в провинции, выглядеть не хуже окружающих. Девушки и женщины носили обувь на высоком каблуке, в которой так изящно семенили по тротуарам, что Алекс невольно засматривался.

Свернув с главного проспекта, «Шевроле-Нива» стала взбираться в гору и, достигнув последних домов, остановилась.

– Дальше пойдём пешком, – сказал Сургон, дотягиваясь до тонкой сумки на заднем сидении, в каких носят ноутбуки.

Алекс вышел из машины. На горе, куда они въехали, вместе с домами заканчивались и тротуары, и Алекс в сомнении посмотрел на свой вместительный чемодан со слишком ма-

ленькими колёсами, не рассчитанными на перевозку по камням и выбоинам.

– Далеко идти? – спросил Алекс.

– Порядком.

Увидев заминку гостя и поняв её причину, Сургон тут же подхватил чемодан с другой стороны.

– Нам к лесу, – сказал он и, внимательно оглядевшись по сторонам, зашагал первым.

Вскоре они достигли деревьев, возле которых был вкопан столб с предупреждающим знаком: «Ильменский государственный заповедник имени В.И.Ленина. Вход и въезд запрещён!» Не взглянув на знак, Сургон повёл Алекса дальше.

По мере того, как они углублялись в лес, заросли становились всё более густыми и дикими. Минут через тридцать пути их уже обступала настоящая чаща. Звуки города за спиной давно утихли, сменившись шелестом осенней листвы и скрипом качающихся на ветру деревьев. Чаща становилась труднопроходимой, безликой, и непонятно было, как Сургон в ней ориентируется.

Постепенно Алекс начал беспокоиться: он находился в чужой стране, глубоко в лесу с, в общем-то, незнакомым человеком. Если бы с Алексом сейчас что-то случилось, никто бы даже не знал, где его искать. Сургон же уверенно двигался вперёд, не задерживаясь ни на секунду, и на его пальцах, сжимавших рукоять чемодана, поблёскивал перстень с изображением черепа.

– Куда мы идём? – решился спросить Алекс.

– Тебе надо где-то жить, – не оборачиваясь, ответил Сургон.

– Удобней было остановиться в гостинице... Ах, да, – Алекс вспомнил, что не может обнаруживать себя в закрытом для иностранцев городе. – Тогда снять частную квартиру.

– Это тоже опасно. Тебя не должен видеть никто. Ты будешь жить у меня в доме.

– Твой дом находится в лесу?

– Там когда-то была лаборатория при научном центре заповедника, – провисшей щекой повернулся вполоборота Сургон. – Здание заброшенное, но вполне пригодное для жизни, пока не наступят холода. Я останавливаюсь в нём каждый год.

Тут Алекс обратил внимание, что идут они уже не по дёбрям, а по еле видимой в траве дороге, имеющей следы автомобильных колёс. Вид дороги несколько успокаивал: по крайней мере, они направлялись в пункт, с которым осуществлялось автомобильное сообщение.

– Очевидно, нам запрещено ехать по дороге? – продолжал расспросы Алекс.

– Всем запрещено, не только нам. Раза три-четыре за сезон мы пользуемся ею, чтобы привезти всё необходимое для жизни, в первую очередь газовые баллоны, но чаще не рискуем: автомобиль в заповеднике – прямое нарушение закона.

Можно было бы поинтересоваться, кого Сургон имеет ввиду, говоря: «Мы пользуемся», но Алекс решил пока ограничиться полученной информацией, чтобы не показывать своей неуверенности.

Неся чемодан, они прошагали ещё не менее двух миль, прежде чем вышли к деревянному дому, глядевшему в лес тёмными впадинами окон. Дом был старым, одноэтажным, большим и длинным, обитый растрескавшимися серыми досками. Кое-где доски отлетели, черепичная крыша сплошь чернела заплатами, а покосившееся крыльцо удерживалось подпоркой. Дом производил достаточно мрачное впечатление, но чувствовалось, что здесь живут люди: вокруг витал аромат пищи, контрастируя с запахами сырого леса.

– Мы пришли, – сказал Сургон, опуская ручку чемодана и поднимаясь на крыльцо. – Добро пожаловать, – раскрыл он перед гостем дверь.

Подхватив вещи, Алекс понёс их внутрь. За порогом он увидел коридор тёмно-зелёного цвета, в который выходило несколько дверей, выкрашенных бурой краской, изрядно уже потрескавшейся. Все двери были закрыты, а на одной висел замок. Потолок в коридоре желтел разводами, штукатурка на стенах местами осыпалась, тем не менее везде царила чистота, и дощатый пол казался недавно вымытым. Помещение походило не столько на жилое, сколько на рабочее, и Алекс вспомнил, что ранее здесь размещалась лаборатория для проведения неких опытов.

– Вот твоя комната, – сказал Сургон, входя в одну из дверей.

Комната по состоянию мало отличалась от коридора: те же разводы на потолке, та же облупленная штукатурка, угрюмо-зелёные стены и проведённая недавно уборка. Из мебели имелась только кровать с железными спинками и журнальный столик.

– Не слишком комфортно, – признался Алекс, оглядывая скудное убранство.

– Зато есть стены и крыша над головой, – сказал Сургон. – Пойдём, я покажу тебе туалет и моечную комнату, мы называем её «банно-прачечной».

Туалет поверг Алекса в оторопь: это была отдельно стоящая возле дома будка с выпиленным в полу отверстием, вокруг которого роились потревоженные неожиданным визитом мухи. Ничего подобного Алекс раньше не видел. Моечная комната, она же прачечная, к его облегчению располагалась в доме и представляла собой помещение с закрашенным окном и кафельной плиткой на стенах и на полу, в значительной степени повреждённой. У дальнего угла имелся слив для воды. Два таза, кувшин, зеркало, полка с моющими средствами и бачок на стене с торчащим книзу штырём составляли нехитрый инвентарь моечной.

– К сожалению, ни душа, ни ванны нет, – сказал Сургон. – Это рукомойник, – Сургон приподнял штырь ладонью, и на неё из бака потекла вода, – эти тазы для стирки и чтоб по-

мыться. Вот это, – дотронулся он до приспособления с рифлёной металлической поверхностью, – стиральная доска. Вода в колодце на улице, греть на кухне. Но сегодня тебе уже нагрели, я сейчас принесу.

Они вышли из банно-прачечной комнаты.

– Вон там, в конце коридора и дальше, – показал Сургон, – находится кухня и столовая.

Алекс слышал, что с той стороны доносится стук посуды.

– Через час, – пригласил Сургон, – состоится ужин в честь твоего приезда.

ГЛАВА 7

Объявленный Сургоном ужин приятно удивил Алекса, пребывавшего не в лучших чувствах от жилища, где ему пришлось остановиться. Можно даже сказать, что ужин изменил настроение Алекса в корне. Хозяйкой на кухне оказалась девушка, которая так открыто улыбнулась гостю и столь непринуждённо подала ему руку, что Алекс сразу почувствовал себя не в страшной чаще за тысячи миль от Америки, а в кругу друзей, радушно принимающих его в своём доме.

– Это моя племянница Таисия, – сказал Сургон. – Без неё я бы не смог здесь управляться, она обустроивает мой быт. А это Александр, – представил Сургон гостя.

– Просто Алекс, – сказал тот.

– Рады видеть тебя у нас, Алекс, – сказала Таисия. – Как

тебе показалась дорога?

– Очень длинная и немного утомительная.

– Здесь ты сможешь отдохнуть на свежем воздухе и в тишине.

– Пожалуй, завтра я максимально воспользуюсь этим советом.

– Ну, что, всё с протокольными приветствиями? – спросил Сургон. – Тогда давайте ужинать.

Они развернулись к накрытому столу.

– Вот это место лучшее, – показала Таисия, – потому что оно на мягком стуле, и ты, Алекс, должен сесть именно сюда.

Возражения Алекса, высказанные из приличия, никто, конечно, слушать не стал.

Помещение кухни было просторным и относительно остальной лаборатории обустроенным: со старым посудным шкафом, двумя столами – рабочим и обеденным, – несколькими стульями, газовой плитой и разным поварским инвентарём. На плите среди кастрюль и сковородок виселось ведро с нагреваемой водой, испарения от которого наполняли воздух горячей влагой, будто в банно-прачечной комнате, где Алекс только что осваивал приёмы пользования тазами и кувшинами. Но расстеленная на столе белая скатерть вкупе с аккуратно разложенными на ней приборами и расставленными рюмками воспроизводила на кухне атмосферу званого вечера.

Подчиняясь этой атмосфере, Алекс с Сургоном несколько

церемонно сели на свои места. Таисия подала на стол овощи и холодные закуски.

– Для приготовления особо изысканных блюд условий здесь нет, – извиняясь, сказала она, – но, надеюсь, салаты тебе понравятся. Это рыбный, а это традиционный русский салат под названием «Зимний».

– Как насчёт русской водки? – спросил Сургон гостя.

– Немного можно.

Таисия принесла бутылку водки, и Сургон налил полные рюмки.

– О, для меня это много, – засмеялся Алекс.

– Постарайся на время забыть американские привычки и погрузиться в русскую действительность, – сказал Сургон. – Русские способны выпить много. В тебе ведь есть русская кровь?

– Да, наполовину.

– Сейчас мы это проверим.

Таисии Сургон тоже налил водки на дно.

– Индивидуалисты, которые нередко встречаются среди нас, в своей наивной гордыне считают себя существами самодостаточными, – поднял Сургон рюмку, блеснув золотым перстнем, – не понимая, что они являются лишь хмалым звеном длинной цепи, соединяющей далёких предков и неведомых потомков. Я хочу выпить за нашего гостя, который, жертвуя прочими интересами, приехал в Россию из далёкой Америки ради восстановления знания о своей семье! За те-

бя, Алекс!

– За тебя! – поддержала дядю Таисия.

Алекс, не ожидавший пышного тоста в свою честь, немного смешался. Поблагодарив и глядя, как Сургон опрокидывает в рот полную рюмку, он попытался повторить за ним то же самое. У себя дома Алекс пробовал водку только разбавленной, да и не в таких количествах, и сейчас выпивал «по-русски» с некоторой опаской. Водка обдала ему язык горечью и не сразу прошла горло.

– Ф-ф-ф... – сморщился Алекс.

– Водку нужно выпивать по возможности одним глотком, – учил Сургон, – а затем немного выдохнуть и, пока не закусишь, вдохнуть только носом, а выдохнуть ртом.

Алекс кивнул, вытирая глаза от выступивших слёз.

– Ты кушай, кушай, – принялась накладывать ему еду Таисия.

Проголодавшийся Алекс приступил к еде с видимой охотой.

– Ну как? – с любопытством спросила Таисия через время.

– Вкусно, – промычал он.

– Тогда я положу тебе ещё этот салат.

Алексу нравилось, что Таисия за ним ухаживает. Когда за столом хлопочет женщина и подкладывает еду в тарелку, это совсем не то же самое, когда в ресторане обслуживает клиента официант. В искреннем женском внимании и заботливых женских руках есть нечто сакральное, создающее иную

действительность, отличную от реальности грубого освоения жизни. Каждый мужчина знает о такой действительности, даже если сталкивался с ней слишком редко, и в стремлении обрести её способен на многое.

Главное же, что понравилось за ужином Алексу, это приготовленные Таисией блюда, ибо, берясь за вилку, он опасался иного.

Сургон снова налил по полной рюмке. Алекс хотел было отказаться, но потом решил пить, тем более что Таисия поддерживала их застолье. Внешне она, если чем-то и напоминала дядю, то такими же чёрными выующимися волосами, связанными у неё в короткую тугую косу, и живыми тёмными глазами, способными в один момент менять взгляд от благожелательного, участливого до пристального, а затем наоборот, доходящего у неё в женской выразительности почти до ласкового. Во всём остальном сходства совсем не наблюдалось: нос был прямой, мочки ушей меньше, кожа светлее. Особенно отличалась нижняя половина лица – с мягким изгибом губ, впадинкой над подбородком и плавным переходом от головы к шее. Впрочем, «текущая» щека Сургона не позволяла сравнивать их внешность в мелких деталях.

Вторую рюмку Алекс выпил, как учили, и эта попытка оказалась более удачной: холодная жгучая водка отдалась во рту не горечью, а морозной свежестью с едва уловимым оттенком мёда. Закусывать такой напиток было сущим удовольствием.

– Где же вы охлаждаете водку? Да и другие продукты? – спросил Алекс, между делом оглядывая кухню.

Холодильника видно не было.

– У нас вода в колодце ледяная, – сказала Таисия. – А продукты держим в погребе... Это специально вырытое в земле хранилище, – пояснила она, видя, что гость не понимает, о чём речь, – там всегда примерно такая температура, как в холодильнике.

Их беседа за столом состояла из невероятной смеси русских и английских слов, а где слова не помогали, то и жестов, но все друг друга прекрасно понимали, особенно по мере того, как пустела бутылка.

– Кажется, пора подавать горячее, – поднялась Таисия, которая и так всё время сновала от стола к плите.

На горячее Таисия подала порционное мясо, запечённое с овощами. Алекс не знал как поступить: с тех пор как он оставил серьёзные занятия спортом, мясо в его меню появлялось всё реже. Здесь же оно мало того, что содержалось в закусках, теперь ещё было подано цельными порциями.

– Ты вегетарианец? – спросил Сургон, удивлённый его нерешительностью.

– Не то чтобы совсем вегетарианец, – сказал Алекс, – но двигаюсь в этом направлении.

– А по каким причинам? Что-нибудь со здоровьем? Извини, можешь не отвечать.

– Со здоровьем всё в порядке. А причины этические и

биологические. Многие считают, что убивать животных безнравственно. Биологическая же причина – вернее, даже физиологическая – заключается в том, что человеку несвойственно питание мясной пищей, его организм приспособлен к пище растительной. Аргументы сторонников вегетарианства кажутся мне довольно убедительными.

– А мне нет, – налил Сургон ещё водки, – и я объясню почему. Сначала про нравственность. Не могут быть безнравственными законы, процессы, составляющие суть живой природы. Возьми любую секунду или миллисекунду: во время неё происходят тысячи, миллионы, миллиарды поеданий кого-то кем-то. Не потому что одни хороши, а другие плохи, а потому что так устроен мир. Жизнь гетеротрофного существа есть постоянная переработка чужой биомассы с целью извлечения энергии для жизни собственной. Мясо как раз и является биомассой. Нравственная рефлексия, если уж таковая имеет место, должна подвигать человека на быстрое и не мучительное умерщвление животных, а не на отказ от пищи. Ошибка радикальных травоедов состоит в том, что они переносят феномен сознания человека на царство животных. А животные не имеют подобного сознания, что бесспорно доказано опытным путём. Они не могут подобно человеку представить будущего, а реагируют лишь на то, что есть. Стадо антилоп преспокойно пасётся рядом со львом, когда тот не на охоте. И вашему домашнему любимцу страдание причиняет текущая процедура у ветеринара, а не

мысли о грядущей смерти и бренности существования.

– Человеку для продолжения жизни достаточно растительной биомассы, как ты называешь пищу, а не мясной, – возразил Алекс, – что тоже бесспорно доказано опытами.

– Ну, во-первых, пищу я называю биомассой только в биологическом смысле, поскольку люблю вкусно поесть. А во-вторых, прошу тебя обратить внимание на тот факт, что у хищников – собак, кошек, медведей, дельфинов – сознание как правило развито в значительно большей степени, нежели у травоядных – овец, коров, антилоп. В одном африканском племени, где люди в силу географических причин были лишены мясной пищи, учёные провели эксперимент: стали кормить мясом детей. За довольно короткий период времени IQ этих детей вырос на тридцать процентов! Так что каждый волен выбирать, нужен ему интеллект или нет?

– Хочешь сказать, что выбор очевиден?

– Для кого-то – да, а для кого-то – нет. Так же, как выбор эстетический.

– Что ты имеешь ввиду?

– То, что у всех травоядных огромное брюхо, обусловленное особенностью их пищеварительной системы. Ну, нравится кому-то из людей иметь увеличенный живот и сниженный интеллект – кто же им это может запретить?

– Но говорят, мясная пища несвойственна человеку, и была освоена им уже в поздние периоды развития.

– В мире говорят много глупостей. Может быть потому,

что мало едят мяса. Археологические находки свидетельствуют о том, что не было периодов, в которые бы люди довольствовались исключительно растительной пищей. Понимаешь? Не-бы-ло! Или сформулирую по-другому: исследователям неизвестен какой-либо вид человека, который не ел бы мяса. Это я говорю как учёный. Едва появляется человек, как мы тут же находим рядом с ним либо кости животных, либо прямые или косвенные свидетельства охоты. Более того, мы находим такие свидетельства и у предков человека: Хомо эректус – человека прямоходящего, и Хомо хабилис – человека умелого, живших миллионы лет назад. И даже у человекоподобных существ австралопитеков. Это свидетельствует о том, что поедание мяса есть один из определяющих признаков людей, и не просто вида Хомо сапиенс – человека разумного, к которому мы принадлежим, а всего рода «люди», «хомо». Возможно, благодаря в том числе данному признаку человек и является тем, кем он есть. Другое дело, что при старении организма мяса человеку, действительно, требуется всё меньше. Но ведь нас с тобой ещё не должны заботить подобные мысли, не так ли?

– Пожалуй, – засмеялся Алекс.

– Так, значит, убедил я тебя? – поднял Сургон рюмку.

– По крайней мере, на эту поездку, да!

– Тогда ешьте быстрее, – заторопила Таисия, – а то всё уже остыло.

«Как хорошо, что людям свойственно есть мясо», – ду-

мал захмелевший от водки Алекс, с удовольствием уминая приготовленное Таисией блюдо и благодарно поглядывая на неё. Таисия, замечая эти взгляды, смущалась.

За окном и в помещении стало смеркаться. Взяв спички, Сургон зажжёт фитиль и накроет его стеклянной колбой.

– Как? – не поверил Алекс. – Здесь нет электричества?

– Увы, – развёл руками Сургон, – только керосиновые лампы. Таковую же я выдам и тебе.

Алекс покачал головой. Но потом подумал, что ему будет даже интересно пожить в полной оторванности от привычных благ.

– Ты как-то обмолвился в письме, что любишь русскую певицу прошлого Лидию Русланову? – обратился к нему Сургон.

– Я прочитал, что она пела настоящие русские песни. Я выучил одну песню, которая называется «Валенки».

Валенки, да валенки,

Ой, да не подишты, стареньки, -

напел Алекс. -

Нельзя валенки носить,

Не в чем к миленькой ходить...

Сургон ободрительно засмеялся, а Таисия даже захлопала в ладоши.

– Тогда специально для тебя...

Выйдя ненадолго, Сургон принёс в столовую атрибут цивилизации – ноутбук, работавший от аккумуляторной бата-

реи. В освещённой керосиновой лампой комнате зазвучали знакомые Алексу песни из репертуара Лидии Руслановой: «Ой вы сени, мои сени», «Я на горку шла», «Катюша», «Валенки»...

– Теперь осталось только водить хороводы, чтобы получился лубочный вечер в русском стиле, – громко говорил раскрасневшийся Сургон. – Можешь потом родственникам так и написать: ужинал в русском стиле.

Они пили ещё водку, ели приготовленное Таисией мясо и водили хороводы при свете керосиновой лампы.

ГЛАВА 8

Утром Алекс чувствовал себя не слишком бодрым, то ли по причине вчерашнего застолья, то ли из-за начавшейся акклиматизации. Сполоснув лицо, он отправился на свежий воздух, чтобы выполнить комплекс утренних физических упражнений: подышать, потянуться, размяться, а затем дать мышцам небольшую нагрузку. Организм, вначале отозвавшийся на упражнения без особой охоты, по мере их чередования постепенно просыпался и втягивался в привычный утренний ритм. К концу занятий состояние Алекса значительно улучшилось – он вполне был готов к наступающему дню.

А день обещал быть чудесным. Природа, словно не желая отпускать прошедшее лето, удерживала его, как хозяйка

дорогого гостя. По-июльски синее небо быстро светлело, готовясь к восхождению солнца; старые горы дышали теплом, ещё не растраченным в первые холодные ночи. Едва огненный шар показался из-за вершин, как осенний лес вспыхнул, залитый всеми оттенками золотого, будто на поверхность Уральских гор выплеснулось бурлящее в их недрах золото. Восхищённый возникшей картиной Алекс застыл на месте не в силах уйти.

– Отец истории Геродот, – услышал Алекс голос Сургона, – писал, что по одной из легенд скифы брали золото в Рипейских горах, где было его видимо-невидимо, поскольку оно ежегодно прорастало там из глубин и осыпалось на землю, подобно зернам с перезревшего колоса... Доброе утро!

Сургон стоял у дверей лаборатории без майки с накинутым на шею полотенцем, немного прикрывавшем завидный рельеф мускулатуры.

– Good morning! – отозвался Алекс. – Я как раз думал примерно о том же.

– Как самочувствие после ужина в русском стиле?

– Неплохое.

– Твои органы в прекрасном тонусе. Ты крепкий молодой мужчина. Чего ещё желать?

– Самую малость – согласия с самим собой.

– А я бы прежде не отказался от плотного завтрака.

– Поддерживаю, – засмеялся Алекс.

От дома разносился запах кофе и готовящейся еды. Алекс

неожиданно поймал себя на мысли, что ожидает завтрака с повышенным нетерпением, и не только по причине пробудившегося аппетита.

Таисия встретила дядю и гостя у накрытого стола. Просто удивительно, как в таких спартанских условиях она успела всё перемыть после ужина и приготовить заново.

– Чего бы ты хотел на завтрак? – спросила Таисия.

Макияжа на ней было совсем немного, от чего она выглядела свежей и естественной, как окружающая природа. Алексу, который по результатам утренних впечатлений пребывал с природой в гармонии, вид Таисии пришёлся по душе.

– Я как вы, – сказал Алекс, – буду знакомиться с русской кухней.

– У нас сегодня пшенная каша, хлеб и сыр. Напитки – чай или кофе.

– Прекрасно, – сказал Алекс, присаживаясь. – Я правда думал, русские всегда едят мясо, – пошутил он.

– На завтрак и на время сна мы обычно делаем перерыв, – в тон ему ответил Сургон. – Хотя ветчина или колбаса иногда не помешают и с утра. Может быть, желаешь?

– Нет, спасибо.

За столом они поболтали на темы национальных предпочтений в утреннем меню, а затем Алекс сказал, что хотел бы поговорить о деле, приведшем его в Россию. Сургон предложил поговорить у себя в комнате. Поблагодарив Таисию,

они оставили кухню и переместились за одну из выходящих в коридор дверей.

Комната Сургона, жившего в лаборатории по несколько месяцев, являлась не только спальней, как у Алекса, но и кабинетом, где имелись стул, письменный стол и забитая до отказа двухсекционная книжная полка. Поскольку Сургон, извинившись, на некоторое время занялся бумагами, лежащими на столе, Алекс от нечего делать и с разрешения хозяина принялся просматривать книги на полке. Там преобладала специальная литература по биологии, генетике, истории, этнографии, а часть верхней секции занимали художественные произведения единственного автора – Сергея Исетова. Алекс не являлся большим любителем чтения, но, поскольку не знал чем заняться, книги Исетова в ярких глянцевых обложках перелистал. Это были романы, по-видимому, остросюжетные и с леденящими душу деталями.

– Читал что-нибудь этого автора? – спросил Сургон, заметив, какие книги привлекли внимание Алекса.

– Я не читал никого из русских авторов, – признался тот, – да и американских не так уж много.

– А в России у произведений Исетова есть свой круг поклонников.

В интонации, какой это было сказано, проскользнули столь явные ноты тщеславия, что Алекс удивлённо поднял голову.

– Могу я узнать, – спросил он, – нет ли связи между при-

нимающим меня Сергеем Устиновым и автором Сергеем Исетовым, у произведений которого есть свой круг поклонников?

– Что ж, скрывать не вижу смысла, – прежним гордым тоном отозвался Сургон. – Сергей Исетов – это мой псевдоним.

– Ты писатель?!

– В первую очередь, я учёный. Но в свободное время в меру сил и способностей подвизаюсь на литературном поприще. Сейчас, к примеру, я сочиняю роман, который занимает все мои мысли, – увлечённо заговорил Сургон. – Представь, мне неизвестно, чем он кончится! Конечно, как автор я придумал сюжет, конфликт и ввёл в повествование героев, но пока абсолютно не уверен, что действие будет развиваться в соответствие с моим замыслом. Пикантность же ситуации заключается в том, что я не могу позволить главному герою выйти за установленные рамки, поскольку финал не должен быть изменён ни при каких обстоятельствах!

– Было бы интересно почитать, – сказал заинтригованный Алекс.

– Ага! Тебе интересно? Вот и мне тоже. И обещаю, ты будешь одним из первых, кто узнает, чем всё кончится.

– Большое спасибо, – поблагодарил польщённый Алекс.

– Не за что, не за что... Ты хотел о чём-то поговорить?

– Да, – Алекс вернул взятую книгу на полку. – Я думаю, мне пора приступать к делу. Не мог бы ты сказать, каким образом тебе удалось отыскать следы Бориса Холвишева? Если

это не секрет, конечно.

– Прежде всего, – Сургон тоже отложил в сторону бумаги, показывая, что полностью поступает в распоряжение гостя, – не мог бы ты сказать, является ли Борис Николаевич Холвишев твоим родственником? Если это не секрет, конечно.

– Думаю, что является, – признался Алекс. – Думаю, это и есть мой дед, Борис Николаевич Холвишев.

– Я тоже так думаю, – кивнул Сургон. – Но важно, что так считаешь и ты.

– Так как же его удалось найти?

– Для этого пришлось повозиться. Я занимаюсь поиском людей достаточно давно. В моём распоряжении имеется обширная картотека по именам и фамилиям, а также оцифрованные в частном порядке адресные книги по всем регионам России и даже по некоторым странам. И вряд ли кто-то ещё может похвастать подобной информационной базой.

– То есть ты ищешь нужных людей в своей базе данных?

– Как правило. И этим зарабатываю на кусок хлеба, ведь зарплата научного сотрудника в России не слишком велика. Но бывает и так, что в компьютерной базе нужного человека обнаружить не удаётся, и тогда мне приходится задействовать наработанные связи. По некоторым случаям поиск может длиться годами.

– А с моим дедом?

– Теперь что касается твоего деда... – сказал Сургон.

ГЛАВА 9

– Теперь что касается твоего деда, – сев на застеленную кровать, Сургон придвинул гостю стул.

Алекс не устал, но разговаривать стоя с сидящим человеком было не очень удобно, и он последовал приглашению.

– Добыть сведения о Борисе Холвишеве оказалось делом непростым, но затрачивать на это годы, к счастью, не понадобилось, – сказал Сургон. – Очень помогла информация о том, что он являлся старателем: не так уж много в России мест, где люди промышляют добычей золота. Результат ждал меня, что называется, под боком, в городе Миассе, куда по роду научной деятельности я приезжаю довольно часто – нужно было лишь тщательно исследовать местные архивы, не охваченные цифровой базой. А поскольку других людей с фамилией Холвишев в России не нашлось, следовало предположить, что обнаруженный мной Борис Холвишев и тот Борис Холвишев, которого разыскивает гражданин Соединённых Штатов Америки Александр Коннелл есть одно и то же лицо. О чём я и отчитался перед Александром Коннеллом, представив ему копию выписки из адресной книги Миасса за 1940 год.

– Выписка у меня, – подтвердил Алекс. – И как я понимаю, теперь можно посетить дом, в котором жили мои бабушка и дедушка?

В памяти Алекса тут же мелькнула фотография деда, сле-

ланная у бревенчатой стены.

– К сожалению, нет, – сказал Сургон. – В выписке указан адрес, по которому Борис Холвишев проживал до женитьбы – на том месте сейчас расположено предприятие. А женившись в 1943 году – в это время шла война, но Борис Холвишев как старатель не подлежал мобилизации, – он переехал по другому адресу. По какому – установить не удалось.

– Не удалось? – разочарованно произнёс Алекс.

– Нет. Тем не менее кое-какие намётки имеются. Вам, Александр Коннелл, посчастливилось обратиться к лучшему специалисту своего дела!

Всё же тщеславия в Сургоне было хоть отбавляй.

– У меня не было повода усомниться в квалификации специалиста, – подыграл его самолюбию Алекс.

Сургон удовлетворённо кивнул.

– Дело в том, что во время войны...

– Уточни только, какой войны?

Алекс знал, что в прошлом веке Советский Союз вёл несколько войн, и боялся ошибиться.

– Второй мировой, которая в СССР с 1941 года называлась Великой Отечественной... Так вот, во время войны во всех золотопромышленных районах Советского Союза были открыты государственные пункты по скупке золота от частных лиц, где каждый старатель без лишних формальностей мог сдать добытый им материал и получить взамен деньги или карточки на продовольствие. Власти надеялись, и не без

основания, что в трудные годы в отсутствие мелочного контроля граждане решатся сдать государству как добытое, так и утаенное ранее, у кого-то даже с дореволюционных времён. Были открыты такие пункты и в Миассе. Формальностей при приёме действительно соблюдалось мало, но оборот золота без учёта и контроля просто немыслим, а потому кое-какие записи велись. В одной из них, за 1944 год, удалось обнаружить сдатчика по фамилии Холвишев с указанием района его проживания. А это уже ниточка.

– То есть примерное место жительства всё же известно? – то ли утверждающе, то ли вопросительно произнёс Алекс.

Сургон согласно кивнул.

– И где оно?

– В Америке.

– Где?! – не поверил Алекс.

– О, – рассмеялся Сургон, – конечно, не в США и вообще не на американском континенте. «Америкой» в Миассе неофициально называют один из районов старого города.

– Ах, вот в чём дело, – заулыбался Алекс. – Значит, в Миассе есть своя Америка? И откуда она взялась?

– История умалчивает. Но название бытует в разговорной речи, и его, принимая от Бориса Холвишева золото, записала приёмщица. Кстати говоря, сдал он немало: почти десять килограммов, включая два довольно крупных самородка. Интересно, сколько же золота осталось у твоего деда на руках? Он что-то привёз в США?

– Если и привёз, я об этом ничего не знаю, – покачал головой Алекс. – Известно лишь, что с моряками, взявшими его на борт в Турцию, он рассчитался золотом.

– Ну, это дело не моё, а вашей семьи, – сказал Сургон. – А что интересует меня, так это дни рождения твоего деда и его жены Веры Холвишевой, которые ты обещал мне сообщить. Видишь ли, твои дедушка с бабушкой включены теперь в мою базу данных. Туда я должен занести всю основную информацию об их жизни: кто они, откуда они, что с ними стало – никогда ведь не знаешь, какие сведения понадобятся в следующих поисках.

Если бы Алекса спросили, почему он скрывает от человека, помогающего ему отыскивать родственников, самые обычные их анкетные данные, Алекс не нашёлся бы что ответить. Тем не менее Алекс скрывал и решил повременить ещё немного.

– Мне неизвестны их дни рождения, – солгал он.

– Но ведь у вас в семье должны быть документы и на Бориса, и на Веру, – допытывался Сургон.

– Почему-то эти сведения мне не попались.

– А нельзя ли их отыскать? Ты этим очень меня обяжешь.

– Но каким образом? Я нахожусь здесь, а документы – в Соединённых Штатах.

– Свяжись с братом, с отцом.

– Позвонить им?

– Мы ведь обсуждали эту тему: никаких звонков! – с едва

видимым раздражением сказал Сургон.

– Тогда я могу связаться с ними по электронной почте.

– И это исключено! Но я говорил: ты можешь написать письмо, которое я отправлю из научного центра заповедника. Как раз сегодня мне нужно там побывать.

– О'кей, так я и сделаю, – согласился Алекс. – Отец и Вильям наверняка ждут от меня известий.

– Вот и отлично. Тебе нужно что-нибудь в городе?

– Да, – кивнул Алекс, который ещё в США составил примерный план действий по приезду в Россию. – Мне бы хотелось ознакомиться с подшивкой местных газет за 1958 год.

– Зачем они тебе?

– В этот год мои дедушка и бабушка бежали в США. Может быть, в газетах хотя бы косвенно что-то укажет на причины их побега.

– В советское время в Миассе была только одна общегородская газета – «Миасский рабочий», – задумчиво сказал Сургон. – Её подшивка наверняка есть в библиотеке, но нечего думать, чтобы тебе отправиться туда.

– Как же быть?

– Она тебе вправду нужна? – без особого энтузиазма спросил он.

– Было бы желательно.

– Хорошо, я принесу подшивку в лабораторию. Пожалуй, возьму для этого рюкзак. Не думаю, что ты найдёшь что-нибудь интересное, но попробуйся.

Сургон посмотрел на часы и засобирился, он опаздывал. Видя это, Алекс направился из комнаты.

– А чем планируешь заняться сегодня ты? – окликнул его Сургон.

Алекс пожал плечами.

– Помогу по хозяйству Таисии... Ты не против?

– Конечно, нет. Ей как девушке тяжело управляться одной, а мне всё время некогда.

– Наверное, ещё погуляю по лесу.

Сургон оторвался от сборов.

– Далеко от лаборатории не отходи, – сказал он. – В лесу можно заблудиться, или наткнуться на зверей.

– Здесь есть звери?

– Ты находишься не в городском парке, а в лесу. Конечно, здесь есть звери. А кроме того, поблизости объявились одичавшие собаки.

– Я не боюсь собак, – сказал Алекс.

– И напрасно. – «Текущее» лицо Сургона выражало крайнюю озабоченность. – Это не домашние животные. Это выводки бродячих собак, которые когда-то сбились в стаи и ушли в лес. Щенки, родившиеся в лесу, выросли и стали опасней диких зверей.

Сургон продолжил было собираться, но потом вновь остановился.

– Говорят, они нападают даже на людей и кого-то уже загрызли. Если так – эти собаки стали людоедами, и встреча с

ними не сулит ничего хорошего.

– Я не собираюсь отходить далеко от лаборатории, – заверил Алекс.

– Жду от тебя письма родственникам, – напомнил Сургон. – Через полчаса мне нужно выйти из дома.

ГЛАВА 10

Письмо Алекс написал Вильяму. Написал на бумаге, потому что Сургон не предложил для набора текста своего ноутбука и, видимо, сделал это намеренно. В письме Алекс сообщил, что с ним всё в порядке, адаптация в России проходит успешно, а связь с семьёй он будет пока поддерживать посредством электронной почты, отправляемой через третьи руки, поскольку в районе, куда ему пришлось забраться, нет сотовой связи. Также Алекс просил брата передать привет отцу и узнать у него даты рождения маминых родителей, Бориса и Веры Холвишев, – сведения, содержащиеся в семейных документах.

Сургон, которому Алекс передал письмо и попросил сразу прочесть – всё равно тот прочёл бы его, перенося на компьютер, – кажется, остался удовлетворён.

Проводив Сургона, Алекс отправился на кухню. Там гремела кастрюлями Таисия. Алекс отдавал себе отчёт, что идёт на кухню с удовольствием, и ему было вдвойне приятней, что, сознавая это, он не встречает в душе внутренних пре-

пятствий. Ему хотелось видеть Таисию и говорить с ней, как, если бы он шёл повидаться с кем-нибудь из дорогих его сердцу людей, например, с родственниками, или со своим приятелем Дэвисом. От вчерашнего беспокойства, когда Алекса только привели к заброшенной лаборатории, мало приспособленной для жизни и находящейся в безлюдном лесу, не осталось и следа.

Таисия встретила Алекса радушно. Усадив его на стул, она сновала по кухне во фланелевом домашнем костюме и кухонном фартуке, расшитом узорами, что-то нарезаая, переливая, помешивая и в то же время не оставляя гостя без внимания. Разговаривая с Таисией, Алекс смотрел, как ловко она всё делала, и невольно сравнивал её со своей недавней подругой Рэйчел, которая, если была дома, отрывалась от дивана лишь затем, чтобы отрезать кусок доставленной пиццы. Нет, Рэйчел не всегда ленилась – когда хотела, она могла быть весьма энергичной. Но хотела она этого не слишком часто, а дом считала прежде всего местом отдыха. Она была не лучше и не хуже предыдущих подружек Алекса, хотя, пожалуй что, лучше, иначе, почему бы он находился с ней целых полтора года? А может, ему нужна была не именно Рэйчел, а кто-то, кого он даже в единственном числе мог назвать собственной семьёй. Не сказать, чтобы Алекс так уж стремился к созданию семьи, но, пожалуй, подспудно встречающихся на пути девушек мысленно примерял к этой оставленной для них нише: «моя семья». Да и что в том было плохого?

По крайней мере, он не намеревался, как Вильям, который заводил девчонок в каждом городе, заявлять им и себе, что женится, лишь разменяв пятый десяток.

Алекс вызвался помочь Таисии в кухонных делах.

– Что ты всё, Таисия да Таисия, – сказала она, – зови меня Тая.

– O’key, Тая, – согласился Алекс, пробуя её имя на кончике языка, – я желаю помочь тебе.

– Ты умеешь готовить?

– Нет.

– А что ты умеешь делать?

– Ничего. Но я научусь! – засмеялся он, заражаясь её весёлым ничуть не обидным смехом. – О, вспомнил: дома я варю себе пасту, делаю тосты и жарю яичницу. А ещё разогреваю продукты быстрого приготовления.

– Тогда есть куда совершенствоваться, – сказал Тая. – Для начала вот тебе ведро, принеси из колодца воду.

Подхватив пальцем белое эмалированное ведро, Алекс направился к колодцу во дворе. Колодец представлял собой закрытую старой деревянной крышей вертикальную шахту с видимой в глубине водой. Между крышей и шахтой имелось устройство для подъёма воды: снабжённый длинной изогнутой ручкой цилиндр, на который была намотана цепь с ведром на конце. Пока Алекс раздумывал, как устройством воспользоваться, рядом оказалась Тая.

– Показываю, а ты запоминай, – сказал она.

Взяв закреплённое на цепи ведро, Тая опустила его вниз и стала поднимать обратно, крутя изогнутую ручку цилиндра. Алекс кинулся помогать. Оказалось, несмотря на приспособление, поднятие полного ведра требовало немалых физических усилий, и он отметил, что Тая делала это, конечно, не с лёгкостью, но без видимого перенапряжения. Вытащив воду, они стали переливать её в принесённое ведро, и совместная их суতোлка, как показалось Алексу, была приятна не только ему одному.

На кухне, взгромоздив ведро на плиту, Алекс попросил новой работы. Ему поручили чистить картошку. Изрезав на очистки едва не половину изначального материала, он получил от наставницы выговор и взял на себя добровольное обязательство, как только будет позволено, принести из города целый мешок картофеля.

– Пока всё, – закончив с кухонными делами, сказала Тая. – Закрывайся теперь в своей комнате и не показывайся оттуда. И можешь перенести мне нагретое ведро в банно-прачечное помещение.

Алекс с готовностью выполнил указание. А после отправился не к себе, а на прогулку, предупредив о том Таю и дав обещание вернуться через час к обеду.

В лесу Алекс смог наконец отделиться охватывающим его чувствам. Он, как мальчишка, испытывал беспричинную радость, которая переполняла его существо. Ему хотелось скакать и бегать, смеяться и петь. Деревья вдруг показались ему

очень нарядными, окрашенными в яркие цвета: иглы сосен – не просто в зелёный, а в изумрудный, стволы берёз – не в белый, а в белоснежный, трепетавшие на ветру листья – в лимонно-жёлтый и огненно-красный. Исчезло тусклое, исчезло серое, всё виделось Алексу праздничным, необычным. И такой ли уж беспричинной была его радость? Конечно же, Алекс знал причину. Он старался урезонивать себя, охлаждать, но образ Таи то и дело возникал перед его взором, и ничего нельзя было с этим поделать.

Ощущая лёгкость в теле, Алекс зашагал в гору. Он не страшился лесных прогулок и не был в них новичком: окрестности Сиэтла покрывали густые леса, где он неоднократно совершал походы как в одиночку, так и с ребятами из хоккейной команды. А древние Ильменские горы казались Алексу прямо-таки холмами по сравнению с его родными горами – Олимпийскими и Каскадными, покрытыми снегами в самые жаркие месяцы года. Сейчас, сориентировавшись по солнцу, он стал двигаться наверх по камням и мягкому мху, обходя ямы и заросли кустарника. Несколько раз Алексу чудилось, будто поблизости под чьей-то ногой хрустнула ветка, один раз он даже остановился и принялся оглядываться по сторонам, но лес, только-только сбрасывающий листву, был ещё достаточно густым, и рассмотреть что-либо сквозь заросли не удавалось.

Вскоре Алекс достиг пика горы. Оттуда открывался чудный вид на долину. Город Миасс, насколько хватало глаз, тя-

нулся вправо и влево между двумя линиями хребтов, а рядом с ним бежала, сверкая в солнечных лучах, река – такая же небольшая, спокойная и тихая, как всё вокруг. С горы хорошо было видно, как по городу с улицы на улицу, с вершины на низину переползали тёмные пятна – тени от плывущих по небу облаков. Некоторые из пятен были маленькими, размером в один-два дома, и быстро убегали дальше, другие же накрывали собой целые кварталы, надолго лишая их солнца. Тем из горожан, кто находился в сумраке, день мог казаться непогожим и унылым, а тем, кто на свету, всего-то, может быть, на соседней улице – ясным и радостным. Ничто так не указывало на относительность нашего восприятия жизни и её переменчивость, как эти движущиеся по городу тени, и они же подтверждали догадку о том, что земная жизнь – лишь проекция жизни небесной.

Налюбовавшись видами долины, Алекс оглядел и горы, с одной из которых вздымалась к небу каркасная телевизионная «вышка». Задумав когда-нибудь добраться дотуда, он решил пока совершить пробежку до соседней с собой вершины, рассудив, что пребывание в другой стране не повод отказываться от ежедневных привычек. «Командирские» часы на руке сообщали, что пробежка задержит, скорее всего, время обеда, но после еды носиться по горам Алексу не хотелось, а вечером, как заметил он вчера, темнеть начинает рано.

Переступающими шажками, держа тело боком, чтобы не упасть при спуске, Алекс двинулся в выбранном направле-

нии. Вновь показалось, что параллельно его движению за деревьями захрустели ветки, но Алекс не стал поворачивать головы, чтобы не оступить на скользящей под ногами земле. Хруст сопровождал его ещё некоторое время, а затем стих, и Алекс, выбежав на ровную поверхность, перемещался по лесу легко и быстро, слыша только топот собственных ног, шелест листвы и редкие вскрики птиц.

Вдруг, оказавшись на прогретой осенней лужайке, он различил посторонние звуки, раздавшиеся одновременно с нескольких сторон. Алекс поднял глаза и застыл на месте. По ходу его движения, а также слева и справа, угрожающе рыча, с земли поднимались собаки. Они были разных пород, окраса и величины, числом двадцать или двадцать пять особей, целая стая, включая нескольких крупных овчарок-волкодавов, перемешанных бог знает с какой кровью. Одного взгляда на этих собак хватало понять, как далеки они от привычных спутников человека – помощников, сторожей и забавных домашних любимцев, равно как далеки и от уличных попрошаек, ведущих бродячий образ жизни. Здесь поднимались с земли совсем другие животные: вскормленные дикой природой, свирепые и жестокие. Они не признавали посторонних авторитетов, они привыкли утверждать право на существование с помощью зубов, когтей и основной своей силы – единства, когда жизнь единицы ничто по сравнению с интересом стаи.

Рычание потревоженных собак переросло в злобный

хрип. Глядя на направленные к себе оскаленные пасти, Алекс попятился. Собаки двинулись на него. Алекс видел, как напряглись их тела, а глаза сделались беспощадны. С внезапной отчётливостью он понял, что на спасение жизни у него есть только секунда, спустя которую стоя начнёт атаку. Стремительно развернувшись, он бросился бежать. И больше почувствовал, чем услышал, как возбуждённые близкой добычей звери рванули следом.

Алекс нёсся по лесу, не разбирая дороги и не чувствуя под собой ног. Лицо и руки ему царапали иглы, в тело вцеплялись корявые ветки, несколько раз он оступился и едва не упал – и даже не успел испугаться этому, движимый отчаянным желанием спастись, послушный требованию бьющейся в висках мысли: «Бежать! Бежать!» Но с каждым шагом становилось яснее, что расстояние, отделяющее его от преследователей, неумолимо сокращается.

Шум погони раздавался уже за самой спиной. Краем глаза Алекс видел, что несколько собак обходят его с правого бока, очевидно, хорошо зная местность и готовясь использовать её особенность. Наперекор им Алекс кинулся в другую сторону, через кусты напролом. Это оказалось роковой ошибкой. Миновав кусты, он выскочил в открытый лес с гладкими стволами высоких сосен и понял, что, заходя справа, собаки и гнали добычу сюда. Здесь не было кустарника, мешавшего стае одновременно наброситься с разных сторон; здесь не было сучьев, по которым убегавший – а собаки, безусловно,

понимали, кто от них бежит – сможет залезть на недостижимую высоту.

Выполнив задуманное, стая рванула в завершающий гон, выстраиваясь вокруг жертвы и с каждым шагом смыкая кольцо. Алекс слышал возбуждённый визг уже не только за спиной, но и со всех сторон, и вновь отчётливо понял, что вот сейчас, в следующую секунду будет сбит с ног, а затем растерзан. Приготовившись к нападению, он на бегу вжал голову в плечи.

И вдруг погоня прекратилась. В один миг, по команде, раздавшейся издалека, из окружающих сосновый лес гор. Властный лай, отрывистый и низкий послышался оттуда. Он прозвучал всего три-четыре раза, и в пылу погони Алекс, конечно, его бы не различил, если бы человеческие органы чувств в нём на какое-то время не обострились до уровня звериных. Они донесли до него неведомый лай и шуршание лап остановившейся и повернувшей назад стаи. Они сообщили Алексу, что опасность миновала и можно дать отдых измождённому погоней телу.

Тем не менее он ещё долго бежал по лесу, прежде чем перешёл на шаг и решился оглянуться. Собак не было. Тяжело дыша, Алекс опёрся о сосну, а затем опустился на землю. Пережитое отозвалось в нём неприятной мелкой дрожью. По мере того, как дрожь проходила, на тело накатывала гигантская усталость. Алекс просидел на земле до тех пор, пока не почувствовал, что замёрз. Пора было подниматься и искать

обратную дорогу.

ГЛАВА 11

Встав, Алекс посмотрел на небо. Солнце, по которому он, уходя от лаборатории, предполагал ориентироваться в лесу, оказалось плотно затянуто осенними тучами, да оно бы сейчас и не помогло, поскольку неизвестно было, в какую сторону двигалась погоня. Чтобы определить своё местоположение следовало в такой ситуации взобраться на ближайшую вершину и оглядеть окрестности. Принявшись искать подходящую гору, Алекс обнаружил вскоре, что не может найти ни одной: вокруг стеной стояла чаща, а горы, если и находились где-то поблизости, были скрыты от него кронами высоких деревьев. Тогда Алекс напряг слух в попытке разобрать, с какой стороны доносится шум города. Увы, отовсюду слышались только однообразно-унылые звуки леса.

Оставалось выбрать направление наугад и двигаться в соответствии с ним в надежде куда-нибудь выйти. Алекс двинулся туда, где, как ему показалось, начиналась возвышенность. Он прошёл несколько миль, предполагаемая возвышенность сменилась спуском, а затем сырой низменностью, в которой стали промокать ноги. Алекс повернул назад. Он шёл час и второй и всё так же не мог найти хотя бы пригорка, откуда можно было бы увидеть больше, чем виделось сейчас. По-прежнему со всех сторон поднимался лишь лес – скри-

пящий, стонущий, шуршащий и тянущий длинные подвижные пальцы к забредшему в его дебри путнику.

Сомнений, что он заблудился, у Алекса не осталось. Через непродолжительное время следовало ожидать наступления сумерек, которые в пасмурную погоду надвигались быстрее. Реальной становилась перспектива ночевать одному в холодном лесу, и от этой мысли Алексу становилось не по себе. К тому же, спасшись от одичавших собак, он мог наткнуться на лесных хищников, а у него не было с собой даже огня.

Есть Алексу не хотелось – видимо, по причине переживаемого волнения, но жажда мучила всё сильнее. Обнаружив на земле большие пожухлые листья, наполненные скопившейся в середине водой, он осторожно отпил из них.

Когда, попив, Алекс поднял голову, то замер, боясь совершить неосторожное движение: за ближайшими деревьями перемещалось покрытое бурой шерстью тело – огромное животное неторопливо и величаво ступало по земле. Это был лось, лесной великан, который своим грозными рогами мог насквозь пропороть любого противника, или же убить его одним ударом сильных конечностей. Алекс находился с подветренной стороны, и потому лось его не учуял, но сейчас, услышав шорох, оглянулся. Алекс стоял на четвереньках ни жив ни мёртв: вскочить и убежать от столь быстрого животного на его территории было невозможно. Но лось не счёл человека за соперника. Отвернувшись, он продолжил движение по лесу, так же царственно неся по нему

раскидистые рога. Алекс, дабы не искушать судьбу, поскорее направился в другую сторону.

Где он находится сейчас, Алекс не представлял. Он рассудил, что блуждания увели его далеко от горного массива, и потому, когда одна из возвышенностей не закончилась по обыкновению, а продолжила нарастать, сначала не очень этому поверил. Возвышенность же становилась круче и круче, перешла в заметный подъём, а вместе с подъёмом встрепенулась и стала нарастать в груди Алекса надежда. Он ускори́л шаг.

Вот на пути стали попадаться камни и крутые уступы, вот среди зарослей замелькали свободные от ветвей просветы. Дальние дали в такие просветы пока не открывались, но зато соседние деревья представляли уже не столь высокими, как раньше, будто бы Алекс значительно подрос. Он двинулся быстрее – так быстро, словно не лез в гору, а спускался с неё. А то, что под ногами у него настоящая гора, являлось всё более очевидным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.